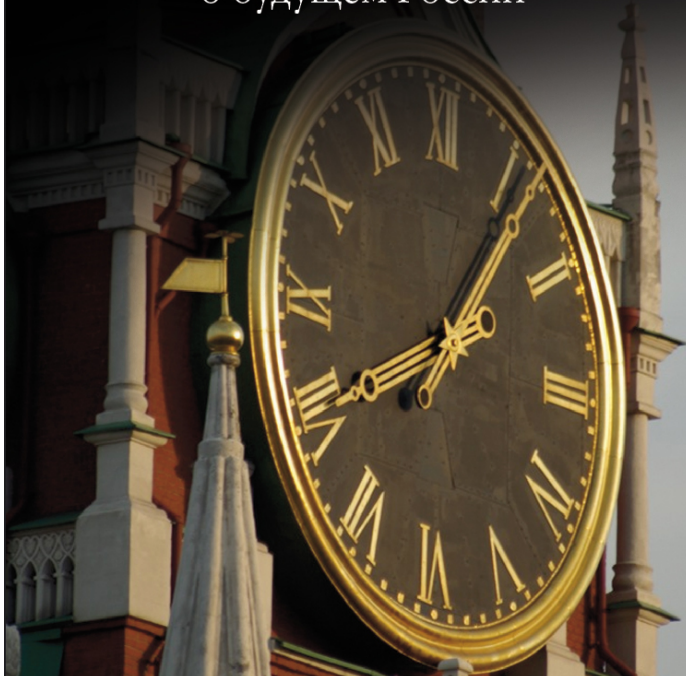

В. МОШКОВ

2062

Исторические пророчества
о будущем России

Валентин Александрович Мошков

2062 Исторические пророчества о будущем России

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53302191

2062. Исторические пророчества о будущем России. / Мошков В.: ТДЛ;

Санкт-Петербург; 2017

ISBN 978-5-516-00088-1

Аннотация

Исследование генерал-майора русской армии, историка В. Мошкова – настоящая книга судеб нашего Отечества. В ней Мошков выступает в качестве «российского Нострадамуса», предрекшего основной ход российской истории до 2062 года, а также анализирует теории происхождения человека. Генерал утверждает, что все государства и все народы совершают «непрерывный ряд оборотов», которые он назвал историческими циклами. Каждый цикл без исключения у всех народов длится ровно 400 лет. Четыре века цикла Мошков, следуя древнееврейским, древнегреческим и другим традициям, называет, соответственно, Золотым, Серебряным, Медным и Железным. Каждый цикл делится на две равные части – по 200 лет каждая: первая – восходящая, вторая – нисходящая. Также в своей теории В. Мошков говорит о том, что различные слои

населения могут находиться в разных фазах цикла и чем выше стоит в государстве какое-нибудь сословие, тем раньше наступает его подъем или упадок.

Что ждет Россию впереди? Читайте удивительный прогноз в предлагаемом издании.

Содержание

Механика вырождения	5
Механика вырождения	5
I. Вступление	5
II. Различие между науками «точными» и «неточными»	11
III. Ублюдочность рода человеческого	20
IV. Вырождение в истории	29
V. Наука о вырождении	31
VI. Периодичность в истории	37
VII. Исторический цикл	42
VIII. Знакомство древних с историческим циклом	50
IX. Значение подъемов и упадков в экономии природы	57
X. В чем заключается упадок	60
XI. В чем состоит подъем	83
Конец ознакомительного фрагмента.	88

В. Мошков

2062. Исторические пророчества о будущем России

Механика вырождения

Механика вырождения

I. Вступление

Мы европейцы, гордимся нашей цивилизацией и, пожалуй, не без основания. Если припомнить все приобретения человеческого духа за последние две-три сотни лет, то голова закружится и дух захватит. Чего только мы не узнали за это время? чего не решили? чего не достигли?

С большой точностью изучили мы форму, величину и движение нашей планеты и других небесных тел солнечной системы. Благодаря этому оказалось возможным предсказывать вперед множество небесных явлений. Мы сделали хи-

мический анализ отдаленнейших звезд и определили скорость распространения света. Мы изучили историю земной коры, нашли точные способы измерять силы природы и проникли взглядом в недоступные для невооруженного глаза небесные пространства и микроскопический мир. На наших пароходах мы искрестили земной шар во всех направлениях. При помощи паровой машины и электричества мы в короткое время пробегаем огромные расстояния. Силы природы не только носят нас по всевозможным направлениям с когорностью самой смиренной лошади, но работают за нас на фабриках, выделявая с величайшей правильностью и точностью тысячи предметов, необходимых для нашей жизни. С быстротою молнии передаем мы на тысячи верст наши мысли и звуки наших слов и т. д., и т. д. Словом, всюду, куда мы ни направляли наши усилия, природа открывала нам свои тайники и служила с покорностью самого верного раба. А потому невольно является гордая мысль, что человек – царь природы, что весь видимый мир только для него и существует, только и ждет его приказаний, чтобы их немедленно и беспрекословно исполнить.

Чего бы наш взор ни коснулся, все уже измерено и исследовано по всевозможным направлениям, со всевозможных точек зрения, обо всем написаны сотни томов.

При всем том у нашей цивилизации есть своя ахиллесова пята, есть огромная и самая важная часть знания, в которой любой безграмотный неуч не только чувствует себя автори-

тетом, не только считает себя в праве торжественно изрекать мнения, но и приводить их в жизнь всеми возможными способами. Это – самая важная для нас наука о человеческом обществе.

Для того чтобы быть авторитетом в этой области, не нужно никакого знания, никакой подготовки.

Это ли не странность, это ли не дикость? Чтобы сшить самый простой мужицкий сапог, нужно знание, нужна подготовка, а для управления обширнейшим государством ничего этого не нужно. Разве управлять государством легче, чем сшить сапог?

Дело в том, что окружающий нас мир, одушевленный и неодушевленный, изучается науками «точными», а науки, изучающие человеческое общество, в отличие от первых, могут быть названы науками «неточными». Если первые научили нас, что такое мир и как нужно им управлять, то последние пока еще мало чему основательному научили. В любой из точных наук есть множество выводов общего характера, им известны строгие законы природы и способы ими пользоваться для практических целей и для предсказания будущего. Астрономия, например, с большой точностью может определить для каждого будущего момента место небесных тел в пространстве и расстояние между ними. Физика дает возможность рассчитать с большой точностью, какое количество силы произведет та или другая машина. Химия может предсказать безошибочно, какие произойдут яв-

ления, если привести между собой в соприкосновение те или другие химические тела, и т. и.

Но науки о человеческом обществе ничем подобным похвастаться не могут. Они не знают никаких законов природы, управляющих человечеством, не могут даже на один год вперед безошибочно предсказать будущую судьбу государства или общества. Оправдывать это обстоятельство относительной молодостью этих наук или большей трудностью их предмета для изучения нет никакого основания. Материалы для науки о человеческом обществе в виде различных религиозных систем, летописей и исторических повествований начали записываться и сохраняться еще в те отдаленные времена, когда о «точных» науках не могло быть и речи. Как увидим ниже, человечество еще задолго до начала «точных знаний» уже имело сведения о законах, управляющих человеческим обществом, и даже, по-видимому, делало в этой области предсказания, но сильная волна каких-то влияний, вероятно религиозного характера, смыла все это, и остатки древней науки о человеческом обществе дошли до нас только в виде обломков, сильно искаженных временем.

Что касается большей трудности этих наук для изучения, то и в этом можно сомневаться, так как человек и его общество несравненно ближе к нам, чем какие-нибудь небесные тела. Очевидно, что были особые причины, тяготевшие в виде какого-то фатума над науками самыми близкими, дорогими и необходимыми для человека. Этот фатум, по-види-

тому, тяготеет над ними и до настоящей минуты.

Таким образом, науки о человеческом обществе в наше время не только не в состоянии делать в своей области каких-либо предсказаний, но не могут с достаточной основательностью ответить на самые насущные вопросы, интересующие человечество, которые так и называются «проклятыми», вероятно – с точки зрения их безнадежности.

Кто, например, знает истинную причину вечного и повсеместного неравенства между людьми – умственного, нравственного, физического и имущественного? Кто знает, как можно устранить это неравенство раз и навсегда? Кому известно, почему в отношении пороков и преступлений человечество стоит ниже всех животных? Кто может сказать с достоверностью, почему между людьми рождается такое множество всякого рода уродов, калек, больных и ни на что не годных личностей? Почему люди питают друг к другу такую адскую ненависть, которой не существует во всем животном царстве? Почему сильный всегда теснит слабого? Как уничтожить в человечестве господство капитала над трудом? И т. д. и т. д.

Все эти вопросы и многие другие, не менее важные, решаются так или иначе, но, во-первых, в их решении люди различного склада ума не сходятся между собой, а во-вторых – ответы на них даются неточные, неопределенные, гадательные, не имеющие ничего общего с ясными и определенными ответами наук точных. «Такой-то всемирно известный

ученый авторитет, говорят вам, выражается об этом так-то, а другой, не менее его знаменитый, опровергает первого и говорит так-то, третий опровергает их обоих и высказывает третье совершенно оригинальное мнение, четвертый опровергает мнение трех первых и т. д.». Подобным же образом даются и рецепты для уничтожения того или другого из зол, удручающих человечество. Очень понятно, что, если ответы нужны вам не для того, чтобы блистать своею памятью и начитанностью, а для действительного дела, они вас ни в каком случае не удовлетворят.

Если вы попытаете применить на практике указания «неточных» наук, то окончательно разочаруетесь и в них самих, и в их жрецах. Почти нет ни одного средства, рекомендуемого для врачевания общественных ран, которое не стояло бы в прямом противоречив со множеством фактов действительности, известных всем и каждому. Если бы, например, вы захотели узнать, каким средством можно поднять умственную силу народа, то вам скажут, что народ нужно воспитывать, учить и развивать. Но биографии великих людей и практика жизни тотчас же дадут вам в изобилии факты прямо противоположного свойства.

Практика жизни говорит, что есть люди способные от природы, которые жаждут знания и легко усваивают его без посторонней помощи. Не получая никакого воспитания, они нередко делаются светочами науки. Наоборот, есть люди неспособные и чувствующие органическое отвращение к

знанию, перед которыми воспитание пасует. Следовательно, вся суть, по-видимому, заключается не в искусстве педагогов, а в прирожденных способностях.

Точно так же для укоренения нравственности в народе лучшим средством считается распространение в его среде христианства, но всем и каждому известно, что христианство прекрасно уживалось с жестокими нравами средних веков, с инквизицией и с процессами о колдунах.

Говорят, что порядок в стране зависит от личности монарха, но мы знаем примеры, когда при государях слабоумных в стране был порядок и наоборот при талантливых и энергичных – порядка не было.

С точки зрения точных наук такие положения совершенно невозможны. Точные науки только тем и сильны, что они не выносят ни внутренних, ни внешних противоречий, что ни одно из их положений не расходится с действительностью.

II. Различие между науками «ТОЧНЫМИ» И «НЕТОЧНЫМИ»

Приступая к исследованиям в области наук «неточных», я с первых же шагов натолкнулся на причину их неточности. Точные науки приступают к исследованию внешнего мира без всяких предвзятых идей; они собирают сырой материал, подбирают однородные факты и делают из них выводы. У наук «неточных» сырого материала гораздо больше, чем у

всех точных наук, взятых вместе, но к нему приступают не для того, чтобы чему-нибудь научиться, а только для того, чтобы оправдать положения, которые с незапамятных времен принято считать аксиомами. Однородные факты не сопоставляются, из них не делается никаких выводов, а только выбираются подходящие для доказательства предвзятых идей, об остальных же умалчивается или делаются попытки подорвать доверие к тем личностям, которыми они собраны. Словом, производится антинаучная работа, называемая в просторечии «подтасовкой».

Проверкой «аксиом» никто не занимается и не может заняться, потому что это было бы святотатством, надругательством над тем, чем жили и чему молились наши отдаленные предки. Это род реликвий, завещанных нам седою стариной, к которым религиозное почитание продолжает сохраняться, несмотря на радикализм последних времен. Пока эти «киты» не тронуты, науки о человеческом обществе не сделаются точными и всегда будут оставаться в стороне от истинной цивилизации.

Сюда, прежде всего, надо отнести безусловное выделение человека из всего остального животного Мира. Напрасно зоологи стараются найти место человека в ряду остальных животных, ставя его рядом с четверорукими. С ними охотно соглашаются на словах, но на деле между человеческим и животным миром остается все такая же глубокая пропасть, как в библейские времена.

Предположим, что ученым обществоведам необходимо решить вопросы, что такое нравственность у человека? Есть ли это результат свободной воли и дело разума, или прирожденный инстинкт? Ученые, разумеется, ответят, что нравственность – дело разума, что ее основы нужно внушать человеку с раннего возраста, что ее можно привить, что нравственность держится религиозным учением и законодательством, что в безнравственности общества виноваты правительство и его агенты, не хотевшие или не сумевшие оградить нравственность хорошими законами. Прекрасно. А теперь обратимся к животным. Самые совершенные, наилучшие организованные общества мы находим у пчел, муравьев и термитов. Существует ли у этих животных нравственность? Конечно, существует, да еще какая. Муравьи одного муравейника несомненно любят друг друга, помогают один другому и в каждую данную минуту готовы за согражданина пожертвовать своею жизнью. Они никогда не обижают своих, не ссорятся, не дерутся, не грабят в своем муравейнике, не крадут и замков никаких не имеют. Все, что добудет один муравей, становится достоянием всего муравейника. Каждый муравей работает целый день, не покладая рук, не для себя, а для всех. Какой же нравственности еще нужно?

Но откуда почерпает муравей свою нравственность? Заботится ли кто-нибудь о ее развитии? Внушается ли она кем-нибудь муравью с раннего детства? Есть ли у муравьев проповедники и учителя нравственности? Каким законодатель-

ством она поддерживается? Кто издает мудрые законы и кто наблюдает за их исполнением? На все эти вопросы придется отвечать отрицательно. У муравьев нравственность не дело разума, она не зависит ни от случая, ни от чьего-либо каприза, она автоматична и прирожденна. Муравей, если бы и захотел быть безнравственным, то не может этого сделать, потому что это выше его сил. Муравьиная нравственность настолько автоматична, что она совершенно одинакова для всех муравейников одного вида. Достаточно описать нравственность в одном муравейнике, чтобы знать ее во всех остальных. Никому еще не приходилось наблюдать внутри муравейника ни воровства, ни драк, ни лености и никаких антиобщественных пороков, от которых так страдает человечество.

Чем же достигается такая автоматическая нравственность? Ничем иным, как только существованием у каждого муравья прирожденного общественного инстинкта.

Но какое общество устроено совершеннее: муравьиное ли с автоматической нравственностью, которая всегда действует без отказа, или человеческое с нравственностью, зависящей от каприза и случая, которую люди в иные моменты своей жизни могут совершенно утратить, а сами затем погибнуть от самоистребления? Конечно, нравственность автоматическая несравненно совершеннее: человечество было бы на вершине своего благополучия, если бы когда-либо ее достигло.

Выходит, что человеческое общество менее совершенно, чем муравьиное и что человек на долгом пути своего развития в отношении нравственности сильно регрессировал. Причем же в таком случае остается закон прогресса?

«Неточные» науки спокойно мирятся с таким абсурдом, лишь бы не унижить человека, существа разумного, сравнением с животным. Но науки «точные» подобных абсурдов не выносят. Они пересмотрели бы вновь только что приведенную нами систему логических рассуждений и тотчас же убедились бы, что абсурд находится не в природе вещей, а в том, что в основу наших рассуждений мы кладем произвольное, никем недоказанное предположение, отрицающее у человека существование прирожденных общественных инстинктов, свойственных всем общественным животным. Пересмотрев этнографические и исторические данные о человеческом обществе, представители точных наук легко убедились бы, что далеко не во всех человеческих обществах отсутствует нравственность, что есть и были такие общества и государства, которые нисколько не уступают по своей нравственности муравьям. Так как в этих обществах господствуют законы, общение всему животному Миру, то представители точных наук признали бы их нормальными и приняли бы для них существование такой же совершенной, автоматической нравственности, как у пчел и муравьев. А общества, лишенные такой нравственности, были бы признаны ненормальными, больными, почему-то утратившими свои

прирожденные полезные инстинкты. Придя к такому заключению, «точные» науки тотчас же приступили бы к отысканию причин общественной болезни в человечестве и конечно не замедлили бы их найти.

Подобным же образом представители «неточных» наук строго разделяют человека от животных в отношении души. Они, правда, не говорят, подобно нашим простолюдинам, что «у человека – душа, а у животных – пар», но придерживаются совершенно подобного же взгляда, когда решают сложные и запутанные вопросы о человеческом обществе и государстве. Так, например, для животных все принимают строгое соответствие между физическим строением и душой или совокупностью психических сил. Всем известно, что душа животных тем совершеннее, чем совершеннее их физическая организация. Душевные отправления у рыб выше, чем у моллюсков, у птиц выше, чем у рыб, и т. д. Но если приходится рассуждать о душе человеческих рас, различных по своей физической организации, то соотношение между физической организацией и душой уже не существует. Ведь это – люди, а не животные. Душа у всех людей одинакова, они различаются только образованием, воспитанием и вообще цивилизацией, а не душой.

Пресловутое учение о свободной воле уже касается исключительно человека. Самим своим существованием оно отвергает участие в жизни человеческой каких-либо законов природы. Если люди властны распорядиться собою, как хо-

тят, то причем тут законы природы? А если, наоборот, действия людей не свободны и направляются законами природы, то где же у них свобода воли? Между этими Сциллой и Харибдой приходится лавировать бедным историкам. С одной стороны, им нельзя игнорировать Кетле, доказывающего статистическими цифрами, что в государствах все совершается по законам природы. А с другой, имеется древняя привычка для каждого поворота в истории искать виновников и приписывать общественные несчастья чьей-нибудь злой воле. И вот историки ухитряются примирить эти две противоположности. Одну или две первые главы своей истории они посвящают законам природы, их строгости, непреложности и пр., а в остальных по старому ругательски ругают королей или моют косточки каким-нибудь общественным деятелям, как воображаемым виновникам какого-нибудь упадка. И к таким фокусам прибегают не какие-нибудь составители учебников для юношества, а сами знаменитые Бокль и Кольб.

Если приходится объяснить умственный прогресс или регресс в какой-нибудь стране, а виновников не оказывается, тогда о законах природы уже и не вспоминают. В этом случае свободная воля царить безусловно. Народ прогрессирует в умственном отношении, если упражняет свой мозг, и падает, если пренебрегает такой гимнастикой.

Есть еще много таких «китов», на которых стоят «неточные» науки, но ни перечислять их, ни опровергать не позво-

ляют размеры моей книги. Скажу только, что все эти «аксиомы» наук неточных оказываются гипотезами и притом чрезвычайно древними, берущими свое начало во временах доисторических. Но они постоянно обновляются, подносятся цивилизованному человечеству под разными новыми соусами и всегда выдаются за самое последнее слово науки. Очень понятно, что, пока они будут занимать свое теперешнее положение, человечество вечно будет ждать какого-то мессии, какой-то манны небесной, а само в то же время будет избивать и калечить друг друга и невыносимо страдать от тех зол, которые его одолевают.

Вступая в область наук «неточных» с методами точного знания, ваш покорный слуга принужден был или отказаться от древних «аксиом», или бросить начатое дело. Я предпочел первое и не раскаиваюсь, потому что за смелость был вознагражден сторицею теми новыми перспективами, которые для меня открылись.

Само собою разумеется, что факты, собранные науками неточными, ничем не отличаются от других фактов, а потому воспользоваться ими и открыть некоторые законы, управляющие человеческим обществом, было уже вовсе не таким трудным, как это могло казаться вначале. И вот результатами своих открытий в этой области я и хочу поделиться с моими читателями.

Хотя мои выводы сделаны из фактов действительности, хотя они очень просто объясняют самые запутанные и живо-

трепещущее вопросы, интересующие человечество, но я отнюдь не обольщаю себя надеждой, что они будут приняты с распростертыми объятиями и что я заставлю человечество смотреть на вещи моими глазами. Во-первых, все те «аксиомы», которые мне пришлось отбросить, как тормозы к истинному знанию, дороги для человечества не только в силу многовековой привычки, но и потому, что удовлетворяюсь его самолюбии. «Тьмы горьких истин нам дороже нас возвышающий обман», – сказал совершенно справедливо поэт. «Аксиомы» возвышают человека над животными, к которым он относится с презрением, дают ему хотя ложное, но приятное сознание, что он свободен в своей деятельности и обладает полной возможностью, хотя бы в отдаленном будущем, устроить свою жизнь не так, как этого хочет природа, а так, как ему самому заблагорассудится. Во-вторых, не все люди обладают одинаковым со мною складом ума и потому то, что является для меня неоспоримой истиной, для других может показаться недостаточно убедительным.

Но меня ни на минуту не покидает уверенность, что я не один на свете, что есть люди, одинаково со мною мыслящие, которых я могу порадовать благою вестью: если несчастья человеческие еще не скоро кончатся, то все-таки во мраке, нас окружающем, уже видна щель, сквозь которую бьют яркие лучи света. Те данные, которые мне удалось почерпнуть из фактов, указывают, что человека ждет в будущем и прогресс, и счастье, но только не оттуда, откуда их ожидают.

Человек будет в состоянии устраивать по произволу судьбу своего общества, но только не путем бессмысленной борьбы с законами природы, похожей на разбивание стены лбом, а знанием этих законов и умением ими пользоваться в духе точных наук.

III. Ублюдочность рода человеческого

Как это часто случается, в начале моих исследований я даже и не думал о тех важных вопросах, которыми теперь занимаюсь, считая их недостижимо трудными. Меня занимал сравнительно более мелкий этнографический вопрос о происхождении международных мифов.

Из этнографических данных о распространении мифов по земному шару я делал выводы и строил гипотезы, которые сверял с фактами, известными науке. Первые мои попытки в этом отношении, разумеется, выходили неудачными. Гипотезы оказывались в противоречии с различными новыми фактами, неизвестными мне ранее. Я с болью сердца переделывал их или вовсе бросал и строил новые. Теперь, когда я припоминаю пройденный мною длинный путь и пересматриваю разные ученые работы других лиц, мне становится понятным, почему многие из них после гениально задуманного и веденного начала работы остановились на полпути и не достигли желанной пристани. Для корабля ученого исследователя нет ничего страшнее двух подводных рифов: один —

чужие ложные гипотезы, не опровергнутые в свое время и обратившиеся за давностью в «аксиомы», а другой, несравненно более страшный, – свои собственные ложные гипотезы, если не хватит духу во время от них отказаться.

Мало помалу моя чисто этнографическая работа привела к вопросу о происхождении человека, который раньше не приходил мне в голову. Вопрос этот такой важный и имеет такое мировое значение, что моя ученая скромность не позволяла мне за него приняться. Но отступления уже не было. Или идти вперед, или поставить крест на своих трудах, на которые потрачено столько времени и крови.

После долгих колебаний в разные стороны я остановился наконец на идее о гибридизме или ублюдочном происхождении человеческого рода. Человек – не чистокровное существо, как думали до сих пор, а помесь древних типов, которых в настоящее время в чистом виде уже не существует. Эта идея до крайности проста, но в простоте-то именно и заключается ее главное достоинство. Остановился я на ней, выражаясь поэтическим языком, потому, что, уже достаточно освоившись с бурями и подводными рифами безбрежного океана неизвестности, сразу почувствовал себя в тихой пристани. Факты действительности, которые до сих пор с мрачной миной от меня отворачивались, теперь приветствовали меня толпой и наперерыв друг перед другом спешили познакомиться с деталями дела, упущенными мною при первоначальной постановке вопроса. Мне оставалось только радо-

ваться, читать открытую передо мною страницу в книге природы и записывать то, что я узнал в ней нового.

Так как факты и наблюдения за человеком разбросаны в целом ряде наук, то мне пришлось проштудировать: этнографию, антропологию, археологию, зоологию, палеонтологию, историю и статистику. Хотя факты этих наук добывались в разное время, разными лицами, не имевшими между собою ничего общего, и самыми разнообразными способами, но все они не только сошлись с моей идеей, а дополняли и разъясняли ее. Все это давало мне лучшую гарантию, что моя идея о гибрилизме человеческого рода уже не гипотеза, не теория, а крупный сложный факт, найденный путем обобщения из огромного множества фактов мелких.

В результате всех этих работ получились два тома трудов, из которых первый уже вышел в печать под заглавием: «Новая теория происхождения человека и его вырождения» (Варшава, 1907). В этот том вошло собственно происхождение человека, а во второй должно было войти его вырождение, т. е. все то, что получилось от приложения моей идеи к данным истории и статистике.

Но мой первый том разошелся очень мало, его издание не окупилось, и на печатание второго тома, который оказался вдвое больше первого, средств не хватило. И потому я решил отпечатать пока только самую суть тех выводов, к которым привела меня история, чтобы показать, какую огромную важность имеют они для жизни государственной, обще-

ственной и частной. Но прежде чем к ним перейти, я повторю для незнакомых с моим первым томом, как представляется по моей теории смешение первобытных типов, вошедших в состав современного ублюдочного человечества.

Чтобы решить вопрос о том, сколько было первоначальных видов человечества и что эти виды из себя представляли, я посмотрел на современное человечество как на смешанную породу животных, в которой еще не успели сгладиться признаки отцовской и материнской породы. Спрашивается, каким образом по виду ублюдков можно судить о виде чистокровных пород, их составляющих?

Это вовсе не так трудно: необходимо только наблюдать ублюдков и замечать, как у них в отдельных экземплярах изменяется один и тот же внешний или внутренний признак. Если, например, у одних экземпляров смешанной породы высокий рост, у других низкий, а все остальные роста промежуточные, то в смесь вошли: вид высокорослый и низкорослый. Если в числе смешанных экземпляров есть одни субъекты бесшерстные, а другие покрытые шерстью, то один вид был волосатый, а другой – голый. Если у одних ублюдков цвет кожи снежно-белый, у других – черный, а у остальных кожа промежуточных цветов, то один вид был белый, а другой черный. Рассуждая подобным же образом, можно восстановить все признаки первоначальных чистокровных видов.

Если бы признаки ублюдков не удалось свести к двум

крайним формам, то ясно, что в состав смеси вошло более двух видов. Но на этом последнем случае мы останавливаться не будем, так как все антропологические признаки человека легко сводятся к двум крайним формам.

Теперь остается только решить, какие именно признаки принадлежат одному виду, а какие – другому. Но тут приходят на помощь наблюдения над соотношением у человека органов, собранные в огромном количестве антропологической наукой. Например, замечено, что высокий рост у человека чаще комбинируется со светлым цветом кожи и волос, с голубыми глазами, с длинноглавием и пр. Наоборот, малый рост чаще соединяется с темным цветом кожи и волос, с темными глазами, с короткой головой и т. д.

И вот при помощи подобных приемов мне удалось мысленно восстановить два первоначальных вида, образовавших человечество.

Благодаря большому изобилию антропологических наблюдений можно было составить подробное описание обоих типов не только по внешности, но и по их уму, характеру, наклонностям и пр., так как внутренние свойства человека находятся в соответствии с внешними. Выводы такого рода передаются здесь мною вкратце.

Тип высший – человек в полном смысле этого слова, гигантского роста, с ногами более длинными, чем туловище, и прямыми. Цвет кожи белый, но все тело, не исключая лица, покрыто шелковистыми, тонкими волосами снежно-бе-

лого цвета. Волосы на голове не отличаются от остального волосяного покрова ни цветом, ни длиной. Череп длинный спереди назад и сверху вниз. Лоб высокий и прямой. Черты лица напоминают самых красивых из современных европейцев. Глаза большие с прямым разрезом, голубые, чрезвычайно живые и выразительные. Нос прямой. Рот небольшой с тонкими губами. Зубы прямые, вертикально поставленные, без так называемого прогнатизма (косины). Ушные раковины небольшие, не оттопыривающиеся, с хорошо развитыми мочками. Шея тонкая, длинная. Телосложение богатырское с сильно развитыми мускулами, но гибкое и грациозное. Руки недлинные с малыми конечностями. Живот не выдающийся, подтянутый. Ноги с малыми стопами и с сильно развитыми икрами. Все движения этого существа были мягкие, легкие и грациозные. Оно обладало огромной силой и чрезвычайной ловкостью. По устройству пищеварительного аппарата и по роду пищи это было существо плотоядное.

Высший тип человечества отличался сильным и гибким умом, прекрасной памятью, быстрой сообразительностью и находчивостью. У него была большая наблюдательность, страшное терпение и способность выносить всякие невзгоды и страдания. Воля его была железная, во взглядах на мир – твердость и постоянство. Нет надобности говорить, что он обладал членораздельной речью.

Это было существо кроткое, добродушное, миролюбивое и в высшей степени общительное. Оно не могло жить ина-

че как в обществе себе подобных. «Белый дилювиальный человек», как я называю это существо, не только любил себе подобных, но готов был идти за них в огонь и воду и с охотою жертвовал своею жизнью за своего ближнего. Он был храбр, как лев, и для достижения цели не останавливался ни пред какими препятствиями. Белый человек обладал любознательностью и изобретательностью. Постоянно веселый и жизнерадостный, он ко всему относился с увлечением, трудился как муравей и любил труд физический и умственный, как род наслаждения, а потому вовсе не испытывал его тяжести.

Само собой разумеется, что я привожу здесь только краткую характеристику высшего типа. Антропологических материалов накопилось так много, что этот тип можно восстановить в мельчайших подробностях.

Низший тип – не человек, а животное, питекантроп, т. е. существо среднее между человеком и обезьяной, малого роста, с короткими кривыми ногами, согнутыми в коленях, с длинным туловищем и длинными руками. Цвет кожи его был если не черный, то очень темного цвета. Кожа толстая и совершенно лишенная растительности, дававшая многочисленные складки в особенности в местах сгибов, лишенная жировой подкладки. Только на голове была густая шевелюра длинных и толстых волос черного цвета. Голова была круглая и короткая (сзади вперед и сверху вниз), лоб низкий и покатый, убегающий назад. Сильно развитые надбровные

дуги нависали над глазами. Глаза маленькие с косым разрезом, с черной или темно-карей радужной оболочкой. Нос плоский приплюснутый. Вся нижняя часть лица с массивными челюстями выдвигалась вперед на подобие морды животного. Расположение зубов косое (прогнатичное). Губы толстые. Язык толстый, массивный. Подбородок широкий. Уши с большими ушными раковинами, топырящимися в стороны и совершенно без мочек. Грудь плоская, конусом расширяющаяся книзу. Живот толстый, выдающийся и отвислый. Шея короткая, толстая. Руки с массивными кистями. Ноги без икр с большими совершенно плоскими стопами.

Хотя существо это ходило на задних ногах, но двигалось медленно, переваливаясь с боку на бок и раскачиваясь корпусом. Поясница его была сильно вогнутая, мешавшая корпусу держаться прямо, постановка туловища была наклонная вперед, сгорбленная или сутуловатая. Зато это существо, имея большую силу и цепкость в руках, прекрасно лазило, что было для него необходимым, так как оно жило в лесу на деревьях, плодами которых питалось. В отличие от «белого человека», питекантроп был существом растительноядным. Он жил не обществами, а малыми семьями.

Хотя питекантроп в умственном отношении был выше всех современных обезьян, но все-таки это было животное, не обладавшее даром слова, издававшее только отдельные звуки высокого тембра.

Таким образом современное человечество представляет

во всех отношениях середину между двумя только что описанными типами, причем у него густо перемешаны черты белого дилювиального человека с чертами питекантропа. Что касается отдельных рас и племен, то высшие из них отличаются большим количеством черт белого дилювиального человека, а низкие – преобладанием черт питекантропа. Внутри же отдельных народностей высшие классы более приближаются к белому дилювиальному предку, чем низкие.

Такова сущность моей теории, заменившей тот тупик, к которому пришли самые выдающиеся ученые Европы по вопросу о классификации рода человеческого. Но всякая теория приобретает значение только тогда, когда она не противоречит фактам действительности и легко их объясняет, а потому я пришел к необходимости сверить мои положения с возможно большим количеством фактов, уже добытых наукой.

Как было уже говорено, факты эти не только не противоречили моей теории, не только подтверждали ее, но подсказывали мельчайшие подробности, первоначально упущенные мною из виду. Поэтому было большим безрассудством с моей стороны оставить эту теорию без внимания. В течение многих лет я не жалел усилий, чтобы пересмотреть множество фактов о человеке, разбросанных в разных научных сочинениях. Результаты получились блестящие, потому что передо мною выяснились такие стороны человеческой жизни, о которых я до сих пор не имел ни малейшего представле-

ния. Пришлось таким образом совершенно изменить взгляд на происхождение человеческого рода, что я и изложил в первом томе моего сочинения.

IV. Вырождение в истории

Что касается истории и статистики, то результаты приложения к ним моей теории оказались еще более поразительными, так как мне удалось открыть некоторые законы истории, позволяющие делать в этой области довольно точные предсказания.

Основой этого исследования послужило наблюдение зоологов, что до сих пор никому не удавалось получить ни одного прочного и постоянного гибридного вида.

Ученые глубоко верят в возможность существования таких видов, но до сих пор замечалось только неудержимое стремление их вырождаться в те основные виды, из которых они составились. Отсюда я вывожу заключение, что постоянны и неизменны только виды чистокровные, выработанные борьбой за существование с естественным отбором. В мире человеческом постоянны только типы белого дильювиального человека и питекантропа, а современное ублюдочное человечество есть нечто неустойчивое, непостоянное и вечно стремящееся к вырождению в древние виды.

Надо сказать, что не один человек представляет собою существо гибридное или ублюдочное. Большинство других

животных, особенно высших, также ублюдки более древних видов. И вот из наблюдения зоологов над домашними животными оказалось, что есть некоторые условия, уже известные человеку, при которых современные виды домашних животных могут приближаться путем вырождения к древним, то высшим, то низшим.

В зоологии процесс приближения к высшему типу называется «прогонизмом», а к низшему – «атавизмом». Так как мы не имеем никакого основания исключать человека из царства животных, то и у него должны ожидать и прогонизма, и атавизма, т. е. предполагать, что при одних условиях человек может так же, как и животное, приближаться к высшему типу, к белому диллювиальному человеку, а при других – к низшему, к питекантропу.

Если бы смешанные виды могли образовать с течением времени постоянную, неизменную породу, то человечество в долгий промежуток времени, прожитый им на земном шаре, должно было слиться в однообразный тип, средний между двумя древними. Но этого не случилось, потому что помесь никогда не может приобрести устойчивости типов чистокровных и никогда не утратит стремления в них вырождаться.

Но и выродиться окончательно в один из древних типов человечество также до сих пор не могло вследствие каких-то серьезных препятствий, а потому очевидно, что оно, если не вечно, то в течение очень долгого времени принуждено ко-

лежаться между тем и другим типом, приближаясь, то к одному из них, то к другому. Если же для вырождения в ту и другую сторону требуется приблизительно одинаковое время, то естественно, что в жизни человеческих обществ должны существовать правильные периодические колебания, следы которых можно искать в истории.

Наши взгляды не имели бы под собой никакой почвы, если бы мы наблюдали у людей однообразие и постоянство типа при переходе от одного типа поколения к другому. Но этого нет; мы видим, что дети почти никогда не рождаются точной копией родителей: каждый член нового поколения стоит в умственном, нравственном и физическом отношении либо выше, либо ниже своих родителей. Для последнего из этих двух случаев на всех европейских языках существует даже специальный термин «вырождение», соответствующий понятию «атавизма» в животном царстве. Что касается «прогонизма», то и его мы можем наблюдать весьма нередко, хотя специального термина в обыденной речи для него не имеется.

V. Наука о вырождении

Судя по существованию терминов для вырождения (атавизма) во всех европейских языках, мы можем заключить, что это явление для человека вовсе не новое. Но предметом научного исследования оно стало только в последние вре-

мена, с пятидесятих годов прошлого столетия, сначала во Франции, а потом и в других цивилизованных странах западной Европы. В настоящее время определена сущность этого явления, намечены его главные стадии, но истинная причина его еще не выяснена. Чаще всего причину эту искали во вредных климатических условиях: в одной стране будто бы люди вырождаются от излишнего жара, в другой – от холода, в одной – от северных ветров, в других – от восточных или западных и т. п. Но так как вырождение происходит при всевозможных климатических условиях, то его стали объяснять и другими местными условиями: то слишком высоким положением страны над уровнем моря, то очень низким, то избытком влажности, то излишней сухостью воздуха. С расширением знания число предполагаемых причин вырождения стало быстро возрастать. Их находили то в изобильной пище, то в ее недостатке, то в богатстве жителей, то в их бедности, то в переутомлении, то в праздности и т. д. Иные приписывают вырождение государственному режиму, законам страны, ее нравам и обычаям, всеобщей воинской повинности и даже принципу разделения труда. В общем этих причин набирается такое огромное количество, что ученые принуждены их классифицировать, делить на категории и составлять из них таблицы. Но если свежий человек заглянет в одну из таких таблиц, то убедится, что причиной вырождения является сама жизнь со всеми ее условиями, т. е., другими словами, человечество вырождается потому, что живет, и тогда

только перестанет вырождаться, когда вымрет до последнего экземпляра.

Ненормальность и искусственность такого решения говорит сама за себя. Человек живет на земле, по самому скромному расчету, около ста пятидесяти тысяч лет. За все это время он постоянно и непрерывно приспособлялся к всевозможным жизненным условиям. Все слабое, неприспособленное неизбежно вымирало и не оставляло после себя потомства. Все сильное выживало и передавало свою приспособленность дальнейшим поколениям. Но этого мало: если предками человека были животные, начиная от инфузории, то приспособление началось еще гораздо ранее, несколько миллионов лет тому назад. Казалось бы, что времени для приспособления было совершенно достаточно и что в окончательном результате должно было выработаться сильное, здоровое и совершеннейшее существо в мире, для которого не страшны никакие жизненные условия. Но на самом деле, если верить ученым, человек настолько слаб, хрупок и нежен, такая масса ничтожнейших причин приводит его к вырождению и вымиранию, что жизнь возможна для него разве только в оранжерее под стеклянным колпаком. И остается только удивляться, почему он до сих пор не вымер.

Не ясно ли, что есть только два способа уничтожить эту логическую несообразность: или принять, что никакого приспособления к жизни ни у человека, ни у его животных предков до сих пор не было и только теперь начинается, или что

древняя приспособленность уничтожается каким-то неизвестным нам фактором.

Первое предположение абсурдно, так как только приспособлением к жизненным условиям можно объяснить весь прогресс животного мира, и потому приходится остановиться на втором, т. е. принять существование неизвестного нам естественного фактора, противодействующего приспособления, и заняться его отысканием.

Фактор этот и есть атавизм, т. е. приближение человека к низшему типу, происходящее не от внешних, а от внутренних причин, как это видно из определения вырождения, принятого наукой. В книгах, трактующих о вырождении, оно определяется так: «когда специфические свойства, характеризующие расу, перестают передаваться потомству путем наследственности, когда в семействе дети перестают походить на своих родителей, братьев и сестер и когда в результате происходит изменение в приспособленности человека к физической и социальной среде, то говорят, что раса вырождается»¹.

Кроме всего сказанного немного нужно внимания и вдумчивости, чтобы убедиться, что всякое естественное явление, происходящее на земле, а в том числе и вырождение, не может иметь сотни причин, а всегда только одну. Если же для некоторых явлений мы можем указать несколько причин, то дело здесь не в сущности вещей, а только в способе выра-

¹ D-r Ch. Fere. La Famille nevropathique. Paris, 1894, 242.

жения. Говорят, например, что живое существо может умереть от тысячи самых различных причин: от яда, от ран, от жара, от холода и т. д. Но разве все это настоящие причины смерти? Настоящая причина только одна: неустойчивость живого организма. Подобным же образом причин порохового взрыва можно указать много: огонь, повышение температуры, электрическая искра, сильный удар и пр. Но настоящая причина только одна – сильное химическое сродство между телами, входящими в состав взрывчатой смеси.

Все эти соображения доказывают как нельзя лучше, что истинная причина человеческого вырождения до сих пор не была известна науке. Она есть стремление неустойчивой натуры смешанного человеческого типа возвратиться в устойчивую, приспособленную к внешним влияниям форму одного из первобытных чистокровных видов. Это стремление внутреннее, если можно так выразиться – молекулярное, и потому не может вызываться внутренними условиями.

Хотя в настоящее время существует целая наука о вырождении, хотя она делает несомненные быстрые успехи, но постановка ее далеко не удовлетворительна, что и приводит ее представителей к неправильным выводам. Во-первых, наука, изучающая человеческое вырождение, не должна игнорировать вырождения, существующего в мире животных. Если бы это правило было соблюдено, то ученые никогда не могли бы придти к таким абсурдным выводам, будто вырождение человека может происходить от всеобщей воинской повин-

ности или от принципа разделения труда. Во-вторых, изучающее вырождение человека, т. е. его атавизм, не должны были бы игнорировать обратного процесса, прогонизма. Наконец, в-третьих, вырождение изучается только на экземплярах сильно выродившихся, на разных невропатах, неврастениках, слабоумных, идиотах и пр., но при этом совершенно упускается из виду что между людьми окончательно выродившимися и здоровыми существует целый ряд переходных ступеней, которые остаются без всякого изучения. Так называемые стигматы или признаки вырождения, число которых в настоящее время быстро возрастает, встречаются не только у людей выродившихся, но и у нормальных. Сюда относятся, например, сильно выдающиеся надбровные дуги, чрезмерное развитие скуловых костей, толстые, оттопыренные губы, длинное туловище при коротких ногах, кривые ноги, плоская стопа, слабо развитая мускулатура, близорукость, обжорство, картавление, заикание, сюсюканье и пр. Если бы исследователи вырождения обратили свое внимание на то обстоятельство, что у редкого человека в обществе нет ни одного стигмата вырождения, то они поняли бы, что вырождение – это общественная болезнь, оказывающая влияние на весь ход исторических событий и производящая то, что в истории называется «упадком». Они не стали бы тогда низводить этот грандиозный мировой процесс на степень какой-то местной лихорадки, навеянной восточным или западным ветром.

Итак, чтобы узнать истинные размеры вырождения в ка-

кой-либо стране, недостаточно изучать выдающиеся экземпляры, охваченные этой болезнью, необходимо распространить такое изучение на все общество. А это возможно только при помощи статистики. Но и этого мало: вырождение недостаточно изучать на примере общества, вырождающегося в настоящую минуту, так как наука никогда не может следовать по пятам за текущей жизнью. Надо привлечь к этому изучению данные истории, которые дают картину вырождения в совершенно законченном виде.

VI. Периодичность в истории

Таким образом, современной науке о вырождении, разрабатываемой медиками в госпиталях, остается еще много шагов, прежде чем она будет достойна названия настоящей науки и станет изучать вырождение в истории, составляющее предмет настоящей книги.

Я пришел к этому, исходя из основного положения моей теории. Если гибридное человечество вследствие каких-то причин постоянно колеблется между прогонизмом и атавизмом, то при господстве первого из этих процессов народ должен во всех отношениях преуспевать, а при обратном процессе – падать. Так как оба эти процесса требуют для своего совершения приблизительно одинаковое время, то в данных истории должны отыскаться периоды народного подъема и упадка, правильно чередующиеся между собою.

И действительно, если внимательно присмотреться к истории разных стран, то нельзя не заметить, что жизнь государств никогда не идет ровным шагом, а постоянно колеблется между подъемами и упадками, которые обыкновенно приписываются местным причинам. Едва только государство достигнет зенита своего благополучия, как в нем появляются первые признаки расстройтва, которые с течением времени усиливаются и переходят в настоящий упадок. Но и упадок не тянется без конца: он также достигает некоторого зенита, снова сменяется подъемом и т. д.

В исторической литературе не мало такого же рода наблюдений. Я возьму те из них, которые первыми попали мне под руки.

Польский социолог г. Гумплович помещает «закон периодичности» в число основных законов, управляющих человеческим обществом. «Во всех областях явлений, – говорит он, – правильность переходит в периодичность, которая является всюду, где какая-либо эволюция представляется в целом. Везде и всюду разложение и упадок одного явления дают свободное поле для новой жизни и для нового развития».

Шлоссер говорит: «Высшая степень могущества и величия государства, по вечному закону всех человеческих дел, всегда бывает началом упадка».

«Одно поколение, – говорит Реклю, – непрерывно сменяет другое, в каждый момент исчезают отработавшие клеточки, каждый момент появляются клеточки новые, рождаются

новые люди для того, чтобы замостить умерших. Движение эволюции совершается неощутимым образом, но, если изучать людей через некоторые промежутки, через некоторое количество лет, десятилетий или веков, то можно наблюдать явные различия. Идеи сделались совершенно иными – общество не следует уже по-прежнему направлению, у него другие цели и новые точки зрения. Поколения отличаются одно от другого, «как узлы на стебле злака». На перерезанном пилюю стволе дерева можно заметить годовые круги нарастания – точно так же и истекшие века обнаруживают последовательные наслоения, движения вперед и назад и временные задержки в развитии.

Совершаются ли эти изменения в общем движении человечества и в ходе развития отдельных групп людей совершенно случайно, вне какого-либо закона, или же, наоборот, наблюдается в них известная правильность? Нам кажется, что последовательность направляющих идей и последовательность фактов, из них вытекающих, имеет некоторый ритм, – она как бы регулируется движениями маятника. Высказывались различные теории, стремившиеся определить этот ритм. Так Вико в своем сочинении «*Scienza Nuova*» доказывает, что человеческие общества развиваются в течение ряда веков, обнаруживая «*corsi*» и «*ricorsi*», т. е. правильно чередующиеся периоды прогресса и регресса, человечество как бы описывает круги во времени и возвращается постоянно к прежнему положению вещей после завершения сво-

его кругового хода». (*Реклю. Человек и земля, в. V. С. 327*).

Тэйлор говорит: «Цивилизация часто приостанавливается и иногда возвращается назад, но это обратное движение далеко не так постоянно, как поступательное». (*Павленков. Дженнер. С. 8*).

Реклю приводит даже целый ряд попыток со стороны ученых связать исторические периоды с различными периодическими явлениями во внешней природе, например, с появлением пятен на солнце, с чередующимся периодическим рядом годов с большим и с меньшим количеством влаги, с перемещением полюсов земного шара и с вековыми колебаниями магнитных токов.

Но все эти попытки не привели пока ни к чему, и по прежнему упадки и подъемы приписываются стечению благоприятных или неблагоприятных обстоятельств. Чаще всего виновниками упадка оказываются правители государств, правительства и государственный режим. Многие историки так и сыплют направо и налево: «такой-то государь поднял страну, такой-то дал ей просвещение, такой-то ее уронил, а такой-то разорил и погубил». Личности или маленькой горсточке людей приписывается всемогущество, а значение самого народа умалется до последней степени. Народ представляется чем-то вроде пешек, из которых правительство может сделать все, что ему угодно. О могучих, строгих и никогда не отсутствующих законах природы, разумеется, нет и помину, для большинства историков они не существуют.

Но если бы какой-нибудь историк уверовал в эти законы и попытался найти в истории народов правильную периодичность, то с первых же шагов он встретился бы с целым рядом трудно преодолимых препятствий.

Прежде всего необходимо найти в истории периоды подъема и упадка и точно установить их продолжительность. Но для этого нужно твердо знать настоящие признаки подъема и упадка. Здесь-то и встречается первое препятствие: признаки подъема и упадка в нашем обществе – вопрос спорный. Если государство ведет непрерывный ряд войн с соседями, наносит всем им ряд поражений и сильно расширяет свою территорию путем завоеваний, то одни скажут, что это подъем, потому что на стороне государства сила. Другие возражат, что это упадок: в стране господствуют солдатчина и воинственность, а эта последняя по нашим современным понятиям – синоним дикости.

Возьмем другой пример: в государстве происходит непрерывный ряд бунтов и революций. Что это, подъем или упадок? Одни скажут, что упадок, потому что государство утратило свое единство и разлагается. Другие, что это подъем, потому что революции доказывают зрелость народа: народ понял наконец свои права и с оружием в руках добывает их.

Само собой разумеется, что при таком разногласии невозможно определить, что назвать подъемом, а что упадком.

Далее встречаются периоды в истории, когда правящие классы расходятся с простонародьем в диаметрально про-

тивоположные стороны. В то время как в правящих классах наблюдается дружный подъем, простонародье проявляет несомненные признаки упадка. Или наоборот, интеллигенция падает, а простонародье поднимается. Чем считать такой период: временем подъема или упадка?

Кроме того, в истории народов встречаются сплошь и рядом неправильности или аномалии, а также запоздание в наступлении того или другого периода. Если вы не знаете нормального хода истории, то как вы можете отличить аномалии от правильного хода событий? Я уже не говорю о том ряде гипотез доисторического происхождения, о которых было говорено выше и которые служат очень сильным тормозом для всяких серьезных исследований в области истории.

Те же самые препятствия помешали бы и мне разобраться в лабиринтах истории, если бы у меня не было руководящей нити в виде идеи о гибридизме человечества и о постоянном колебании его между атавизмом и прогонизмом.

VII. Исторический цикл

Приступая к отыскиванию правильности в истории, я прежде всего пересмотрел в исторических сочинениях описания заведомых подъемов и упадков в разных странах, выписывая отдельно признаки подъема и упадка. Оказалось, что те и другие смешать между собою очень трудно, почти невозможно, так как они находятся друг к другу в отноше-

нии прямой противоположности. Если, например, в период упадка господствует разврат, то в период подъема преобладает обратное явление: целомудрие и супружеская верность. Если в период упадка народ страдает от лени, то в период подъема он трудолюбив, и т. и.

Для того чтобы не путаться в тех случаях, когда простонародье и интеллигенция расходятся в своих упадках и подъемах, я определял эти периоды для тех и других отдельно и убедился, что закон вырождения для всех одинаков, но одинаковые периоды у простонародья и интеллигенции не совпадают между собою, как бы у двух совершенно различных народов.

Труднее всего было отличить нормальный ход событий от аномалии, но и это препятствие я преодолел в конце концов благодаря тому, что пересмотрел большое количество исторического материала у разных народов. То, что во всех государствах повторялось много раз, я принял за нормальное, а то, что встречалось в единственном числе или повторялось весьма редко, – было аномалией.

После многих неудач передо мною наконец открылась грандиозная картина исторических периодов, в которых меня больше всего поразило ее полное однообразие у всех народов земного шара, древних и новых, цивилизованных и нецивилизованных, без всякого различия по национальностям, по религиям, по форме правления, по величине государства и по быту, занимаемому им на земном шаре. Отдель-

ные народы и государства отличались между собою не продолжительностью периодов и не порядком их следования, а только датами, в которые у каждого приходятся однозначные периоды. В этом отношении народы отдаленные и не имеющие между собою ничего общего зачастую сходились ближе, чем два народа, принадлежащие к одной и той же национальности и говорящие одним и тем же языком. Найти в этом какую-нибудь правильность или законность мне не удалось даже и до настоящего времени.

Размеры моей книги не позволяют мне познакомить читателей с целым рядом ошибок, в которые я впадал вначале, и с моим далеко не прямолинейным движением к намеченной цели. Я передам здесь только окончательные результаты, к которым пришел.

Оказывается, что все государства и все общества, от самых больших до самых малых, в своей исторической жизни совершают непрерывный ряд оборотов, которые я называю историческими циклами. Продолжительность цикла для всех народов без исключения – ровно четыреста лет. Хотя в прохождении циклов и у разных народов, и у одного и того же народа встречается много разнообразия, но распределение в цикле подъемов и упадков и общий характер цикла у всех народов одинаковы. Получается такое впечатление, что через каждые четыреста лет своей истории народ возвращается к тому же, с чего начал. Цикл – это год истории.

При ближайшем знакомстве с циклом легко заметить, что

он распадается на две равные половины по двести лет, из которых каждая носит свой особый характер. Первая половина – восходящая, вторая – нисходящая. В первую половину преобладает прогонизм, а во вторую – атавизм. В первую половину цикла государство растет и крепнет и ровно в конце двухсотого года достигает максимума своего благополучия, и потому этот год можно назвать вершиной подъема.

Начиная отсюда, в последние двести лет цикла, государство клонится к упадку, пока не достигнет в конце цикла вершины упадка. Затем начинается первая восходящая половина нового цикла и т. д.

Каждая из половин цикла по ходу исторической жизни явственно распадается на два века, так что весь цикл состоит из четырех веков, отличающихся каждый своим характером.

Как видно из прилагаемой схемы, где подъемы обозначены красной краской, а упадки – синей, каждый век цикла снова распадается на два полувека. Первая половина каждого века – упадок, а вторая – подъем, за исключением последнего, четвертого века, который весь обозначен синей краской, потому что представляет собою сплошной упадок. Так как во всем цикле подъемы и упадки не продолжаются более пятидесяти лет, то во второй половине четвертого века можно бы ожидать подъема. Может быть, в этом месте и бывает слабый подъем сравнительно с первой половиной века, но он так мало отличается от предшествовавшего ему упадка, что на исторических данных, передающих в большинстве случа-

ев только грубые черты, а не оттенки, он вовсе не отражается или, по крайней мере, я его пока еще отличить не могу. Возможно, что, если этот период будет наблюдаться не в истории, а в жизни, и если будут приняты в расчет статистические данные, разница между двумя половинами четвертого века станет более заметна.

Границы между циклами, веками и полувеками в большинстве случаев ясно обозначаются какими-нибудь событиями, характер которых резко отличается от предыдущего направления государственной жизни. Это то обстоятельство и дает возможность определять в истории каждого государства даты для начала и окончания его циклов.

Что касается более мелких периодов, как, например, двадцатипятилетних, то и они кое-когда дают о себе знать в ходе исторической жизни, хотя уже менее резко. Пока мне удалось только заметить, что во многих пятидесятилетних периодах подъема и упадка в первых – подъем, а во вторых – упадок усиливаются к середине полустолетия, а к концу его ослабевают.

Когда приходилось сличать между собою периоды одного наименования в различных государствах, то мне бросились в глаза некоторые роковые года полу-столетий, которых при более детальном исследовании, быть может, найдется еще больше. Эти года замечены мною пока еще только во вторых половинах второго и третьего столетия цикла. Сюда относятся: сорок третий год второго полустолетия во втором и

третьем веках и четвертый год второго полувека в третьем веке. Во второй половине второго века, которая является временем подъема и обыкновенно отличается рядом побед над внешними врагами, сорок третий год выделяется из ряда других крупными поражениями среди побед, им предшествующих и за ними следующих. Это маленький период упадка в среднем около пяти-шести лет среди полувекового подъема. Поражения, о которых я говорю, могут иногда случиться годом раньше или годом позже, но в среднем, выведенном из примера нескольких государств, получается сорок третий год. Во второй половине третьего столетия сорок третий год носит тот же самый характер. Среди подъема внезапно происходят события, отличающие упадок. Например, среди господствующего в государстве внутреннего спокойствия наступает бунт или революция, а если ведется война с внешним врагом, то поражение. На конец четвертого года второго полувека третьего века цикл отличается также среди внутреннего спокойствия взрывом психической эпидемии. В нескольких случаях это выразилось покушением на жизнь государя, или заговором против него, или изгнанием его из страны, или – как в одном случае – подавленным состоянием духа в народе в течение целого года, разразившимся сильным моровым поветрием.

Если только что описанный малый упадок среди полувекового подъема является темным пятном на светлом фоне, то естественно ожидать обратного явления, светлого пятна

на темном фоне, т. е. малого подъема в веке упадка. И действительно, два таких подъема я заметил в первой половине четвертого века. Мне пришлось наблюдать их у различных народов. Середина первого подъема приходится на двадцать шестой год, а второй начинается на сороковой год периода. Если народ ведет войны с внешними неприятелями, то среди непрерывного ряда поражений у него случается несколько удачных военных действий или побед. Если же народ внешних войн не ведет, а терпит от нашествия диких или полудиких соседей, то около того времени нашествия эти на несколько лет прекращаются.

Что касается участия в подъемах и упадках разных слоев населения, то я мог заметить, что, чем выше стоит в государстве какое-нибудь сословие, тем раньше наступает его подъем или упадок. Так как число народных слоев и отношение их между собою в разных обществах и государствах различны, то я и не мог на этот счет подметить какого-либо общего правила. Но в каждом государстве можно явственно различать правящее меньшинство или интеллигенцию (городское население) и управляемое большинство, крестьянское или сельское сословие. И вот это последнее опаздывает против первого приблизительно на сто пятнадцать лет.

Свою схему исторического цикла я построил, принимая за основание историческую жизнь интеллигенции, которая помещается у меня на рисунке выше средней линии, тогда как жизнь сельского простонародья расположена ниже этой

черты. Из схемы видно, что упадки и подъемы у той и другой части народа идут самостоятельно, изредка совпадая между собой. Там, где у обеих частей совпадают подъемы (во втором и в третьем веках), государство достигает наибольшего могущества во внешних делах. Обратно, совпадения упадков у простонародья и интеллигенции (в первом и четвертом веках) дают в отношении внешних дел самые слабые периоды в жизни государства. Те периоды, в которых интеллигенция идет вверх, а сельское простонародье вниз (первый век цикла) наиболее разъединяют между собою оба слоя народа в умственном, нравственном и физическом отношениях. Наоборот, третий век, в котором простонародье достигает вершины своего подъема, а интеллигенция начинает клониться к упадку, является временем наибольшего сближения между обоими слоями.

Эти же два периода являются временем перехода земли из рук одного слоя общества в руки другого. Естественно, что сословие богатеет в то время, когда поднимается, и беднеет, когда падает. А потому в первом веке цикла, когда интеллигенция поднимается, а простонародье падает, земли скупаются интеллигенцией, а в третьем веке, когда интеллигенция беднеет, а простонародье достигает вершины подъема, земли переходят от правящих классов к простонародью.

Для характеристики отдельных веков нужно заметить, что в нормальном цикле наиболее дружный и сильный подъем происходит в первом веке цикла, слабее – во втором и еще

слабее – в третьем. Упадок же самый сильный происходит в четвертом веке, а в остальных веках он гораздо слабее.

VIII. Знакомство древних с историческим циклом

Весь описанный нами порядок наблюдается только в цикле нормальном или правильном. Но совершенно нормальные циклы встречаются сравнительно редко: в порядке прохождения и в распределении подъемов и упадков история дает много неправильностей и аномалий. К их описанию мы и должны были бы теперь перейти, но прежде всего заметим, что четыре века цикла в своем сочинении мы будем впредь называть не по номерам, как до сих пор, а следующим образом:

I век – Золотой.

II век – Серебряный.

III век – Медный.

IV век – Железный.

На такого рода обозначениях я остановился, во-первых, потому, что в письменном изложении ясность речи ослабевает, если какие-либо однородные предметы означают по номерам. Во-вторых, в названиях Золотой, Серебряный, Медный и Железный заключается некоторая характеристика веков, соответственная ценности тех металлов, которые взяты

для их обозначения. В-третьих, сущность моих настоящих выводов, по-видимому, составляет новость только для нас, но не для человечества вообще. Надо думать, что она была уже известна нашим отдаленным доисторическим предкам, судя по народным преданиям о «четырех веках», которые дошли до нас в несколько искаженном виде. И вот древние названия четырех веков, которые позднейшие переделки обратили в неопределенные периоды, Золотой, Серебряный, Медный и Железный, я и хотел сохранить в моей номенклатуре из уважения к памяти неведомых нам гениальных людей древности.

Предания о четырех веках были найдены у индусов, древних евреев и древних греков. Если отбросить весь тот словесный и поэтический сор, который нанесло на них беспощадное время, то даже характеристика каждого века, которую мы находим у Гезюда и в индусских преданиях, в общих чертах сходна с теми данными, которые в настоящее время можно вывести из истории разных народов, распределенной по циклам.

Первый век у греков назывался «Золотым», у индусов «веком совершенства». По Гезюду, люди жили в этом веке как боги, имеющие беспечальный дух, удаленные от горя и тяжелого труда. Старость не приближалась к ним. Всегда сообща веселились они на пирах, чуждые всякого зла. Умирали они, как сном объятые. Всякое благо было их уделом. По индусскому преданию, «человек в этом веке был добродете-

лен, счастлив и пользовался продолжительной жизнью».

Второй век у греков назывался «Серебряным», а у индусов «веком выполнения долга». У греков в этом веке жило «поколение худшее, не сходное с первым ни по стройности, ни по уму. Мальчик сотню лет воспитывался при матери, растя беспомощный в ее доме. Когда же он достигал юности и зрелого ума, то жил лишь короткое время, страдая ради своего неразумия, ибо они не могли сдерживать между собою своего буйного нрава». По индусскому преданию, «жизнь в этом веке укоротилась, появились пороки и несчастья».

Третий век у греков имел название «Медного». «Поколение страшное и сильное, которого занятия были дела горя и насилия. Они были неприступны и имели дух твердый как сталь». По индусскому преданию, в этом веке «физическое и нравственное падение человеческого рода сделало огромные усилия».

Четвертый век у греков называется «Железным», а у индусов «веком греха». По греческому сказанию, ни днем, ни ночью не прекращаются труды и печали. Поколение испорченное, которому боги притом посылают тяжкие заботы. По индусскому преданию, «зло настолько восторжествовало над добром, что добрые люди принуждены удаляться от мира. В силу этого совершающиеся события вовсе не передаются мудрецами – они слишком унижают их достоинство». Это «плачевный период. Все выродилось: элементы, мораль, со-

кратилась продолжительность жизни, нигде нет правды и справедливости».

В пророчествах Данииловых искажены еще больше, там уже мы видим не века, а царства: Золотое, Серебряное, Медное и Железное. Последнее представляется «смешанным из железа и глины, частью крепким, как железо, частью хрупким, как глина, и разделенным, как железо, которое не смешивается с глиною».

Что касается смены Железного века одного цикла Золотым веком другого, т. е. вопроса о том, что упадок не вечен, что он своим окончанием дает начало подъему, то и об этом имели представление древние люди, судя по преданию древних скандинавов о «гибели богов». Вот в какой поэтической форме описывается упадок:

«Наступает последний день. Равновесие, существовавшее дотопе в системе мифа между противоположными началами, нарушается. На сцене появляется верховный бог и своею мощною рукою содействует разрушению мира. Второстепенные божества начинают истреблять друг друга. Появление страшных беспорядков на земле вследствие потрясения гармонии, существующей в человеческих обществах и видимой природе, – служат признаком наступления тех ужасных дней, когда за погибелью людей следует истребление богов. Братья вступают в борьбу и убивают друг друга, презирая родством. Тяжело становится жить на свете; везде разврат; век упадка, век меча, век бурь, век злодеяний. Ни одному че-

ловеку не будет пощады от ближнего до тех пор, пока мир не разрушится в самом основании. Мир гигантов полон смут. Великаны сокрушены. Боги объяты ужасом. Люди толпами следуют по дороге к Геле (к смерти). Солнце тускнеет. Земля уходит в море. Блестящие звезды падают с неба. Огонь охватывает старое здание. Всепожирающее пламя поднимается до самого неба...»

А вот картина подъема, немедленно следующего за упадком:

«Но едва только окончилось истребление, как начался процесс нового миротворения. Различные силы, управлявшие ходом предшествовавшего творения, были поглощены могуществом бесконечным, оставили после себя зародыши, которые на смену им пробудились к жизни. Из глубины моря выходит земля, совершенно покрытая растительностью. Поля сами из себя произрастают плоды. Враждебность элементов исчезла. Является Бальдер (бог благости и милосердия). Бальдер и Откер (бог богатства) живут в согласии между собою во дворце Одина. Над Гимле (небо) возвышается дворец, весь покрытый золотом, блеск которого превосходит солнечные лучи. В нем живут добродетельные люди, предаваясь вечным наслаждениям верховных благ» (*Стасюлевич М. М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых Сиб. 1864. С. 251*).

Эти немногие строки, если исключить из них поэтические прикрасы, дают нам ясное и точное представление о взгляде

древних на сущность подъема и упадка. Как читатель убедится из дальнейшего, представление это чрезвычайно близко к тому, что мы можем узнать в настоящую минуту, если зададим себе труд вникнуть в данные истории разных народов.

Живя в переходную эпоху между подъемом и упадком, мы во многом имеем неправильные взгляды на человеческую природу. Например, мы резко разграничиваем умственную, нравственную и физическую природу человека, тогда как это можно сделать только теоретически. На самом же деле эти три свойства человеческой природы неразделимы между собою, как различные стороны одного и того же предмета.

Так думали и древние. Они передали нам в народных преданиях, что упадок и подъем действуют не на одну только сторону человеческой природы, но на все одновременно. Если народы падают нравственно, то они не могут не падать умственно и физически.

Древние замечали во время упадка понижение умственного уровня, неразумие падающих людей и позднее умственное развитие, вследствие которого детство их в высшей степени беспомощно. Большую часть жизни падающий человек занят приобретением умственных богатств, а когда достигнет полного умственного развития, то живет недолго и скоро умирает.

Во время упадка древние наблюдали падение нравственности, нравственную испорченность, неразлучную с физиче-

ской. Люди, говорят они, становятся порочными, совершают различные злодеяния, приобретают буйный нрав, легко вступают в столкновения с ближними, пылают к ним враждой и становятся беспощадными. Эта вражда проникает даже в семейства и нарушает родственные связи: дети враждуют с родителями, а братья с братьями. Люди совершают друг над другом насилия и убийства и истребляют один другого. В обществе господствуют беспорядки и смуты. Нарушается его равновесие и внутренняя гармония. Ложь царит в мире, нигде нельзя найти правды и справедливости, и вообще зло торжествует над добром. В половых отношениях господствует разврат. Все это отзывается на судьбе отдельных людей в виде тяжкого труда, тяжелых забот, печали, горя и всяких несчастий.

Наконец в физическом отношении изменяется наружность человека, фигура его теряет свою стройность. Продолжительность жизни сокращается и увеличивается смертность.

Подъем составляет прямую противоположность упадку и представляется древним пробуждением к жизни. При нем происходит умственный подъем, раннее умственное и физическое развития. В нравственном отношении люди чужды всякого зла, они добродетельны, справедливы и честны. В отношениях между ними господствуют согласие, мир, благость и милосердие. Они всегда бодры и веселы, наслаждаются продолжительной жизнью и умирают безболезненно.

Жизнь их сопровождает богатство, счастье, всякое благополучие, они удалены от горя и «тяжкого» труда.

Что особенно поразительно для нас теперь в учении древних о четырех веках цикла, это способ, каким они добывали свои познания. Если предположить, что древние шли тем же путем, как и мы в настоящую минуту, то пришлось бы искать в глубокой доисторической древности такие же условия цивилизации, высокого положения исторической науки и международного общения, как в настоящее время. Но ведь мы не знаем всех путей к решению этого вопроса. Известно, что одну и ту же задачу можно решать различными способами. Гениальный человек древности мог прийти к тем же результатам, что и мы, но иным более коротким путем. Он мог, например, путешествовать по многим современным ему странам, изучать в каждой из них различные фазисы исторического цикла, а затем свести в одно целое весь добытый материал и восстановить цикл в своем воображении.

IX. Значение подъемов и упадков в Экономии природы

Возвращаясь затем к нашим собственным исследованиям исторического цикла и его частей у разных народов, мы должны прежде всего заметить, что подъемы, упадки и исторические циклы не являются для народа чем-то в роде бесконечного и бессмысленного шатания из стороны в сторону

экономии природы они имеют глубокий смысл шествия народов в сторону высшего человеческого типа, а следовательно – в сторону прогресса, но только не по прямой, а по зигзагообразной линии, причем каждый упадок, заключающийся главным образом в борьбе между людьми и в истреблении ими друг друга, является периодом, посвященным естественному отбору. Все слабое в умственном, нравственном и физическом отношениях умирает преждевременной смертью или погибает в борьбе за существование и имеет большие шансы не оставить после себя потомства, а все сильное остается и передает свои качества потомству. Что касается подъема, то смысл его заключается в подготовке к следующему периоду упадка. В это время сильно размножается население, без чего не было бы достаточно человеческого материала, необходимого для отбора. Кроме того, трудолюбивый народ, живущий во время подъема, делает материальные запасы для своих потомков времен упадка, без которых они перемерли бы с голоду и отбора также бы не было.

После каждого упадка, благодаря естественному отбору, народ становится выше, чем его предки предыдущего подъема и таким путем любой нецивилизованный народ, переживая ряд исторических циклов с их подъемами и упадками, может стать цивилизованным, подвигаясь в сторону высшей человеческой породы, не только в умственном и нравственном отношении, но и в физическом.

Исторический путь, который должен пройти любой народ

от состояния дикости до цивилизации, в сущности не особенно длинен. При благоприятных условиях для этого достаточно пережить два-три правильных исторических цикла. Таким путем все человечество к настоящему времени могло бы стать цивилизованным и принадлежать к высшей белой расе, если бы народам и государствам на их историческом пути не встречались препятствия, которые не только могут затормозить прогрессивное движение, но даже совершенно остановить его и направить в обратную сторону. Получается тогда регрессивное движение, путем которого даже цивилизованный и белый народ может потерять свою цивилизацию, одичать и обратиться в одну из низших цветных рас. Известно, что у всех или почти у всех цветных рас сохраняется предание, что их предки были «белые». Но мало того, этим же путем регресса народ может прийти к потере своей самостоятельности, к поглощению его другими народами и даже к полному вымиранию. Какова природа этих препятствий, мы в настоящей книге говорить не будем, так как все это составит содержание одного из наших последующих изданий. Скажем только, что препятствие, о котором мы говорим, одинаково для всех народов мира и действие его непременно отзывается на ходе исторических циклов в форме аномалии. Двигаться наиболее быстро и кратчайшим путем в сторону прогресса может только тот народ, у которого все циклы проходят нормально, без всяких неправильностей и аномалий. Малейшая неправильность уже задерживает это

движение на целые века, а если она повторяется несколько раз, то может свести народ в могилу.

Что касается народов прогрессирующих, т. е. проходящих свои циклы правильно, то они получают еще то преимущество, что с каждым новым циклом их упадки становятся все более и более слабыми. Тогда как у дикарей Железный век может кончиться полным вымиранием народа или племени, у высоко-цивилизованных народов он бывает до того слаб, что проходит незаметно даже для ближайших соседей.

Познакомившись с историческим циклом и его правильностью, не трудно понять, каким образом, зная период, переживаемый каким-либо народом в настоящую минуту, можно с большой достоверностью предсказать, что ждет его в ближайшем будущем. При настоящем знакомстве с ходом цикла трудно сделать такое же предсказание и с такою же достоверностью для отдаленного будущего. Это потому именно, что народ может встретиться на своем пути с тем препятствием для его правильного движения вперед, о котором мы только что говорили, а тогда правильность цикла будет нарушена и начнется аномалия, ход которой предсказать уже очень трудно.

Х. В чем заключается упадок

Сущность каждого упадка состоит в постепенном ослаблении уз, связывающих между собою членов государства, и

в стремлении его разложиться на составные элементы. Элементы общества скрепляются между собою в государстве нормальном, здоровом или, что тоже, переживающем подъем, не внешними искусственными связями, как мы думаем, не силой, не репрессалиями, не правительством, не режимом, а невидимыми, но несравненно более крепкими нитями любви и симпатии. Правительство связывается с народом искренней, но не рассудочной, не выдуманной, не внушенной кем-либо, а инстинктивной любовью к нему, которая в некоторых случаях имеет стремление переходить в обожание. Как чувство инстинктивное и врожденное, оно остается совершенно одинаковым, каковы бы ни были в государстве форма правления и личный состав правительства и к какой бы национальности, своей или чужой, оно ни принадлежало. Об этом чувстве никто не говорит, и узнать о его существовании можно только тогда, когда правительству угрожает опасность, по той легкости, с которой люди отдают за него свою жизнь.

Законы природы здесь действуют те же самые, что в любом пчелином улье или муравейнике. Правительство, как центр, в котором сходятся все симпатии подданных, в ульях или муравейниках заменяется маткой или царицей, о которой муравьи или пчелы не ораторствуют, не обсуждают ее достоинств или недостатков, а молча жертвуют своею жизнью. Если матка погибает, то улей или муравейник теряет всякую внутреннюю связь, расходится и гибнет.

Кроме того, в нормальном государстве члены его связаны между собою общим им всем патриотизмом, т. е. безграничной, безотчетной и также инстинктивной любовью к общей родине. Как истинное чувство, патриотизм также молчалив, как и любовь к правительству, но в минуту опасности для отечества во имя его человек жертвует всем самым для него дорогим, не исключая и своей собственной жизни. Наконец всех членов нормального государства связывает крепкая взаимная любовь или симпатия, которая также обнаруживается вполне только в момент опасности, угрожающей согражданину

С наступлением упадка в государстве все эти связи ослабевают, начиная с высших. Прежде всего, исчезает любовь к правительству, за нею – любовь к родине, потом к своим соплеменникам и наконец, в конце концов, исчезает привязанность даже к членам своей семьи. В порядке постепенности беззаветная любовь к правительству сменяется любовью или привязанностью к личности правителя. Эта последняя уступает свое место полному равнодушию. Далее следует уже ненависть сначала к личному составу правительства, а потом к правительству вообще, соединенная с непреодолимым желанием его уничтожить. Когда упадок бывает очень силен, это чувство достигает своего высшего напряжения и тогда редкий государь умирает собственной смертью, все равно: хорош ли он, или не хорош, виновен в чем-нибудь, или нет. Ненависть в этом случае так же дело инстинкта, а не разума,

как любовь во время подъема.

Если бы правительство не подчинялось закону вырождения и оставалось неизменным в то время, когда весь народ падает, то оно могло бы временно удержать государство от распада искусственными мерами. Но правительство вырождается с народом, а потому падает в умственном и нравственном отношении и теряет энергию, без которой не может правильно отправлять свои функции.

В начале упадка правительство бывает еще довольно сильно, потому что на стороне его здоровое большинство. Тогда оно не останавливается ни перед какими мерами, чтобы удержать от распада государственную машину. Но по мере того, как упадок продвигается вперед, правительство слабеет и не находит более поддержки в вырождающемся обществе. Государственная машина расшатывается и расплзается по всем швам. В начале ее заедает формалистика, а затем лицепрятие, доносы, шпионство, взяточничество и казнокрадство. Лишаясь энергии и поддержки со стороны народа, правительство бывает не в состоянии провести какую-либо твердую государственную систему. Законов в это время обыкновенно издается очень много, но соблюсти их никому. Правительство или бессильно это сделать, или его органы являются продажными и торгуют законами. Кроме того, правительство во время упадка теряет свое единство и дробится. Власть, прежде принадлежавшая одному лицу, разделяется между несколькими, и эти отдельные представители

враждуют, борются и воюют между собою.

Таким образом, правительство и народ в своем вырождении идут на встречу друг другу и между ними дело непременно должно дойти до столкновения и борьбы. А потому в каждый упадок у правительства или, лучше сказать, у партии, его защищающей, происходит борьба с парией антиправительственной. В этом сходятся все народы и государства всего мира. Но какой характер примет борьба в том или другом государстве в тот или другой из его упадков, это зависит от характера народа и от степени его подъема.

В одних случаях дело не доходит до ненависти к форме правления и к правительству вообще и ограничивается борьбой против личности правителя. Это так называемая династическая борьба, когда одна партия принимает сторону одной династии или одной личности, а другая – другой. В других случаях борьба направляется не против формы правления, а против власти правительства вообще. Тогда в результате получается ограничение власти, а в иных случаях полное сведение ее к нулю. Правителю тогда ничего не остается, кроме титула и казенного содержания. Наконец, борьба и ненависть антиправительственных партий может направиться против формы правления, и тогда монархия сменяется республикой или республика – монархией.

Средствами борьбы в начале упадка обыкновенно являются съезды и сеймы, дебаты и драки, а в заключение бунты, революции и бесконечные междоусобные войны, сопровож-

дающиеся разорением страны и изменением ее жителей.

Но борьба не может кончиться даже и в том случае, если правительство сокрушено: она сменяется новой борьбой из-за власти.

Вырождающийся человек не только не выносит никакой власти над собой и ни малейшего стеснения своей свободы, но сам стремится к власти. Властолюбие и всеобщее желание во что бы то ни стало стать выше своего положения составляют самые главные и неизбежные пороки вырождения. Никто не хочет быть подчиненным, а все хотят быть начальством. Эти времена изобилуют всякого рода узурпаторами и самозванцами.

Сельское простонародье в этом отношении также не отстает от интеллигенции. Если во время подъема оно питает безотчетную инстинктивную любовь и преданность к высшим классам, то во время упадка вся ненависть его обращается не против правительства, а всегда против высших правящих классов. Это обстоятельство нередко дает повод правительственной партии вступать в союз с простонародьем против вырождающейся интеллигенции.

Те же самые перемены, которые происходят в отношениях правительства к народу, имеют место и в деле патриотизма. Чувство это у народа во время его упадка также постепенно исчезает. Сначала широкий патриотизм, соединенный с обширной государственной территорией, сменяется более узким, провинциальным или племенным. Государство стре-

мится поделиться на части, которые с течением упадка становятся все мельче и мельче. В это время измена царит во всех ее видах. Отечество продается и оптом, и в розницу, лишь бы нашлись для него покупатели. Изменники приводят неприятеля для завоевания или разорения своей Родины. Враги призываются на помощь против своих и т. п.

Далее проходит и узкий патриотизм и мало помалу сменяется ненавистью и презрением ко всему своему и стремлением заменить его чужим, иностранным. В это время является неодолимая страсть к заимствованиям всякого рода, которая по временам принимает форму простого обезьянничанья. Даже национальный язык подвергается тогда презрению, переполняется словами и выражениями из чужих языков и может замениться иностранным, если к тому представляется хоть малейшая возможность.

Той же судьбе подвергаются и другие невидимые общественные связи. Прежняя любовь или симпатия между соплеменниками заменяется ненавистью и всеобщей нетерпимостью. Кто может, разбегается тогда во все стороны, а остающиеся занимают взаимострелением, которое принимает форму междоусобиц и драк всякого рода, сопровождающихся уничтожением имущества противников, грабежом, насилием женщин, избиением детей и поджогами. Борьба ведется между городами, между селами, между разными национальностями, между разными слоями общества, наконец, внутри одного и того же слоя общества между партиями

политическими, династическими или религиозными. Этому состоянию общества соответствует обыкновенно период анархии. Государство разбивается на мелкие кружки, группирующиеся вокруг богатых людей. Каждый помещик или богатый человек является центром маленького независимого государства, которое ведет борьбу на жизнь и смерть с другими такими же государствами.

В заключение нарушается и последняя связь между членами государства, это семейная. Семьи распадаются. Дети ненавидят, грабят и убивают своих родителей, родители – детей, брат – брата.

Таким образом, в конце концов государство перестает существовать, разлагаясь на свои основные элементы, и само собой разумеется, что все описанные метаморфозы происходят не с одними и теми же людьми и не вследствие умственного движения, как мы думаем, а как результат антигосударственных и антиобщественных инстинктов, появляющихся от вырождения у представителей новых поколений, вступающих в жизнь на смену старым.

Если у отдельных личностей в вырождающихся поколениях не всегда приходят сразу в полное расстройство все стороны их существа, то во всем народе, взятом в совокупности, стороны умственная, нравственная и физическая приходят в постепенный упадок непременно одновременно.

Гениальные и талантливые люди перестают появляться в вырождающемся обществе и во главе его становятся тогда

посредственности, которые задают новый, более пониженный тон. Открытия и изобретения прекращаются. Наука сначала перестает двигаться вперед, а потом падает все ниже и ниже. Учебные заведения закрываются одно за другим от недостатка учащихся и учащихся. Библиотеки и музеи подвергаются разграблению или погибают от пожаров. Изучение наук сводится к бессмысленному зазубриванию мудрости прежних времен и к погоне за дипломами, «дающими преимущество» в борьбе за существование. Любознательность исчезает, литература и искусства падают. Простота и естественность в литературных произведениях заменяются вычурностью, напыщенностью и пустословием, а мысль – трескучей фразой. В литературную область врываются в качестве чего-то нового декаденщина и порнография, старые как мир, охота к чтению исчезает. Книжные лавки закрываются за ненужностью. Ум человека настолько ослабевает, что чтение, даже самое легкое, уже не доставляет ему ни удовольствия, ни развлечения, но утомляет, как тяжелая непосильная работа, и вызывает страдание в ослабевшем мозговом аппарате. В некоторых государствах правительство и лучшие люди страны, замечая наступающий умственный упадок и не зная его настоящей причины, думают остановить его распространением грамотности и увеличением числа школ. Но, увы, все старания его остаются напрасными: для вырождающегося мозга просвещение так же бесполезно, как хорошая пища для желудка, страдающего несварением. Все вбитое в

мозг ученика разными способами тотчас же извергается из него, не оставляя после себя ничего, кроме заученных фраз. Школы в это время обращаются в заведения для бесцельного систематического мучительства, а учителя – в инквизиторов, к которым ученики ничего не чувствуют кроме глубочайшего отвращения, как к виновникам своего мозгового страдания.

Вследствие понижения в народе, во время упадка, умственных способностей становится понятен тот чудовищный умственный регресс, о котором говорят многочисленные исторические свидетельства, и тот поразительный контраст, который бросается в глаза путешественникам при сравнении грандиозных остатков древней высокой культуры, встречаемой в разных концах земного шара, с жалкой обстановкой дикарей, проживающих в тех же местностях в настоящую минуту. Если поколение, сильно двинувшему вперед науку, литературу, изящные искусства и технику, наследует поколение, стоящее несравненно ниже его в умственном отношении, то нет ничего удивительного, что все или большая часть благих начинаний отцов не только не подвинутся вперед, но будут заброшены и забыты детьми. И действительно, из истории мы узнаем, что в разных странах во время сильного упадка забывались самые необходимые вещи: грамотность, искусство писания, постройка зданий, способы добывания из земли полезных металлов и т. д. Человек при своем одичании способен не только забросить приобретения науки, но

от железных орудий может перейти к каменным, забыть употребление вилки и ножа и даже искусство лепить из глины горшки, обжигать их и готовить в них пищу, как это показали раскопки в Новой Каледонии.

Неудивительно поэтому, что при сильных упадках забывалась масса всевозможных открытий и изобретений и человеку приходилось открывать одно и то же по нескольку раз.

Понятен также и фатум, тяготеющий с незапамятных времен над наукой о человеке. Предания о «четыре-х веках», по-видимому, составляют только жалкие осколки когда-то хорошо разработанной и хорошо забытой науки о человеческом обществе.

Во время сильного упадка редкая из национальных религий остается неизменной. Она разделяется на новые секты, которые бывают причиной многочисленных междоусобиц, или же вытесняется новыми религиозными учениями. Все религии появлялись исключительно во время упадка. В большинстве случаев учителя их намеревались исправить народную нравственность, исходя из ошибочного убеждения, будто человек становится безнравственным потому, что не знает истинной морали. Впрочем, в последователи новых религиозных учений уходит только лучшая часть общества, а народная масса пребывает в безверии и индифферентизме, что не мешает ей впадать в самые грубые суеверия. У народов нецивилизованных, в период упадка, предметом религиозного начинания становится каждый порок, проявляющийся-

ся от вырождения. Существует, например, культ самоубийства, культ разврата, религиозная проституция, есть божества-людоеды, божества убийства и грабежа, божества выкидышей и противоестественных пороков.

Вместе с умственными способностями в вырождающемся обществе исчезают энергия, предприимчивость, воля и собственная инициатива. Несколько дольше остается способность следовать инициативе других, но и она потом исчезает. Техника, промышленность и торговля падают вследствие недостатка в народе людей, способных не только расширять и улучшать дело, но даже поддерживать его в прежнем порядке, отчасти от уменьшения способности к умственной работе, отчасти оттого, что падающим человеком овладевает неподвижность и лень и всякий правильный систематический труд становится ему не под силу. Если найдутся в это время здоровые иностранцы, то в промышленности и торговле они заменяют вырождающихся туземцев, но тогда эти последние попадают к ним в экономическое рабство. Если же и благодетельных иностранцев не найдется, то промышленность и торговля падают, предприятия прогорают и страна переходит в первобытное состояние с отсутствием промышленности, с меновой торговлей и пр. Народ беднеет, впадает в долги, попадает в сети ростовщиков, а затем тысячами умирает с голоду или идет нищенствовать, воровать и грабить.

От вырождения человек теряет всякое постоянство. Все,

начиная с обычного труда и кончая местностью, обстановкой и людьми, среди которых он живет, очень быстро ему надоедает. Тоска и скука не покидают его ни на минуту. У него является непреодолимая жажда к развлечениям, к зрелищам и к частой смене впечатлений. У одних это чувство удовлетворяется непрерывной погоней за модами, а другими овладевает болезненная страсть к бродяжничеству. Гонимые этой страстью, люди бесцельно бродят с места на место, не будучи в состоянии, как Вечный Жид, нигде остановиться и уйти куда-либо от своей внутренней пустоты.

Вместе с тем у человека является потребность к наслаждениям всякого рода. У многих погоня за наслаждениями становится единственной целью жизни. Люди предаются роскоши и излишествам.

Они делаются падки на всякого рода игры, в особенности азартные, предаются пьянству, обжорству, употреблению всевозможных наркотиков, кутежу и разврату. Брак становится для человека тягостным, как по-своему однообразно, так и потому, что налагает на него массу тяжелых обязанностей. Семейство и дети являются тяжелой обузой. Сначала учащаются и облегчаются разводы, а потом законный брак мало помалу заменяется конкубинатом. У нецивилизованных народов во время сильного упадка исчезает всякое подобие брака. От детей человек стремится избавиться всевозможными средствами, начиная с вытравления плода и искусственных выкидышей и кончая детоубийством. Такое поло-

жение уже одно в состоянии уменьшить население государства.

Кроме страсти к половым излишествам человеком упадка овладевают различные противоестественные пороки: онанизм, педерастия, лесбийская любовь, некрофилия и пр. А у других в тоже время появляется склонность к аскетизму и женоненавистничество.

Во время периода вырождения человек теряет не только все альтруистические чувства, но даже простую общительность. Он становится мрачен, угрюм, несообщителен и неразговорчив. Между людьми исчезает всякая привязанность и дружба. Человек делается эгоистом и себялюбом. Все общественные учреждения и все крупные партии получают тенденции к бесконечному дроблению. Всякие хорошие отношения между людьми легко нарушаются. Так как одни люди становятся неосторожными, грубыми и бестактными, а другие – в высшей степени обидчивыми и раздражительными, то ежеминутно возникают поводы к размолвкам, оскорблениям, ссорам, руготне, драке и даже к убийствам. Чувство мести является одним из самых сильных у падающего человека. Местью наслаждаются, ставят ее целью всей жизни и мстят не только оскорбителю, но людям совершенно невинным только потому, что они приходится родственниками оскорбителю или поставлены с ним в близкие отношения. Убийство, соединенное с жаждой крови и с наслаждением муками своего ближнего, становится в это печальное

время для многих людей болезненной потребностью и потому совершается очень легко, по самым ничтожным поводам. Является дьявольская жестокость и желание не только убивать людей, но калечить их, мучить и наслаждаться этими мучениями.

Честность у людей исчезает; ложь и обман становятся добродетелями. Имущество ближних возбуждает кроме зависти желание отнять его во что бы то ни стало, каким бы то ни было способом. Пускаются в ход: вымогательство, шантаж, мошенничество, воровство и наконец просто грабеж. Так как число людей бедных, ленивых и неспособных к правильному труду в падающем обществе быстро возрастает, то разбой принимает большие размеры. Одиночные шайки разбойников обращаются в отряды и армии, которые рыщут, по стране в поисках добычи и никому не дают пощады, ни перед каким преступлением не останавливаются. От них нет другого спасения, как только замки и крепости, которыми тогда и покрывается вся страна.

При наступлении подъема или в начале упадка с разбойниками легко справляется полиция и армии, но в разгар упадка полиция становится до нельзя плоха, бездеятельна, несообразительна, труслива и продажна.

Армия, которая в период подъема служит опорой всякого порядка, во время упадка приходит мало по малу в полную негодность, так как солдаты теряют свою честность, преданность власти, стойкость, храбрость, выносливость и дисци-

плину. В мирное время такая армия постоянно бунтуется, а в военное при первой встрече с неприятелем охватывается паникой и обращается в бегство. Офицеры теряют чувство чести, энергию и уважение солдат. К тому же при расстройстве финансовой системы, неразлучном с упадком, армия очень часто не получает ни жалованья, ни содержания и нередко сама обращается в разбойников.

В довершение всего внешние враги государства, никем не охраняемого, врываются в него, распоряжаются в нем как у себя дома, грабят мирных жителей, жгут их дома, истребляют их самих и уводят в плен. От падающей страны отбирают провинции, облагают ее данью, разделяют на части и завоевывают.

К счастью для падающего народа, он теряет всякую чувствительность, становится равнодушным ко всему на свете и даже к собственной личности. Он прежде всего теряет жизнерадостность, т. е. способность наслаждаться самим процессом жизни, далее становится равнодушным к смерти и наконец теряет инстинкт самосохранения, привязывающий его к жизни, взамен чего приобретает уродливый болезненный инстинкт самоуничтожения, приводящий к самоубийству. Живя в одном из периодов упадка и постоянно видя, как легко и по каким ничтожным поводам люди устраивают окончательный расчет с жизнью, мы привыкаем думать, что это совершенно нормальное явление и что каждый человек, поставленный жизнью в тяжелое положение, непременно

но покончит с собою. Но мы забываем, что есть на свете люди, переживающие всевозможные несчастья, но неспособные поднять на себя руку. Дело здесь, разумеется, не в храбрости или решительности, как мы думаем, а в сильном жизненном инстинкте, привязывающем человека к жизни помимо его воли. Не будь этого инстинкта, природа не имела бы средств сохранить жизнь на земле, а в особенности ставить человека в тяжкие условия борьбы за существование. Вот почему совершенно правы Ауенбург и Эскироль, видевшие в самоубийстве род помешательства, и Фальрет, утверждающий, что в самоубийстве всегда нужно видеть какое-нибудь умственное расстройство.

Во время упадков, как показывают исторические и статистические данные, цифра людей, кончающих с собою самоубийством, непрерывно и очень правильно возрастает параллельно с другими признаками упадка и также правильно падает вместе с подъемом. Таким образом самоубийство является одним из могучих средств, которыми располагает природа для удаления всего слабого, ненужного и негодного к жизни. Бывают самоубийства, совершающиеся по очень важным поводам, но бывают и такие, поводы которых ничтожны до смешного или даже совершенно отсутствуют: с жизнью кончают просто потому, что «она надоела». Иногда, во время сильных упадков, самоубийство принимает даже эпидемический характер, и тогда целые тысячи народа кончают с собою разом одним и тем же способом. Кроме

того, в разгар упадка наблюдается у самоубийц болезненное желание не только покончить с собою, но всеми мерами увеличить свои страдания. Когда этот болезненный инстинкт еще слаб, в начале упадка, люди стараются выбрать род смерти наиболее легкий и скорый, но когда он усиливается, то способы самоубийств выбираются самые мучительные, как например: самосожжение, вспарывание живота, голодная смерть, смерть от ударов головою об стену и т. п.

В физическом отношении народ уменьшается в росте и в весе, становится слабым, болезненным и безобразным по наружности, приближаясь по типу к низшим расам. В это время рождается множество всякого рода уродцев и калек физических, нравственных и умственных: горбатых, хромых, слепых, глухих и глухонемых, неврастеников, эпилептиков, психопатов, слабоумных, душевных больных, страдающих различными маниями и фобиями, идиотов и кретинов. Появляются многочисленные уродства и в половой системе: кенеды (мужчины с мозгом женщины), трибадистки (женщины с мозгом мужчины) и гермафродиты всяких родов. Рождаемость у народа уменьшается, а смертность увеличивается, в особенности в детском возрасте. Множество пар остается совершенно бесплодными, а другие производят только девочек. Увеличивается число всяких болезней и заболеваний и появляются новые, еще не виданные. Народом овладевают эпидемии физические, умственные и нравственные. Моровые поветрия по временам свирепствуют со страшной си-

лой и уносят в короткое время огромное количество жертв. Вперемежку с поветриями свирепствует голод, также уносящий тысячи народа и нередко принуждающий людей пожирать друг друга. Большие города вымирают и обращаются в груды развалин, пустеют богатые, многолюдные и густо населенные местности. Поля зарастают сорными травами, кустарником и лесом. Образовавшиеся на месте бывшего государства пустыни населяются переселенцами из других стран. Таким путем в древние времена исчезло без следа множество обширных, многолюдных, богатых и цивилизованных государств и народов.

Из всего здесь описанного видно, что при наших современных знаниях период вырождения, следующий за периодом подъема, так же неизбежен, как после дня – ночь, а после лета – зима. Остановить его или направить в другую сторону для нас теперь так же невозможно, как обратить ночь в день, а зиму в лето. Так как в экономии природы упадок имеет смысл усовершенствования человека путем борьбы за существование и естественного отбора, то противиться его наступлению без знания его законов – значит сопротивляться основному закону природы, закону прогресса. Такая борьба для нас, как создание природы, и невозможна, и бессмысленна. А потому мы и видим, что все наши излюбленные средства для борьбы с упадком, как борьба партии, бунты, революции, реформы и пр. нисколько не уменьшают упадка, а являются только его неизбежными симптомами, а мы сами

становимся слепыми орудиями в руках природы для достижения ее цели, истребления людей.

Природа не имеет других средств совершенствовать человека, как только борьбу за существование и естественный отбор. Но, как мы видим из нашего краткого описания явлений упадка, период этот дает для того и другого очень широкое поле. Весь он состоит из сплошной и беспощадной борьбы. Человек только по виду остается существом разумным, на самом же деле это зверь более свирепый и коварный, а потому и более опасный, чем звери четвероногие. В борьбе, которую он ведет, нет ни чести, ни совести, ни великодушия, ни милосердия, ни сострадания. Все это только мешало бы жестокому делу естественного отбора. При такой борьбе всегда погибнет то, что более слабо в физическом, а главное в умственном отношении. Если борются между собою глупый и умный, то при прочих равных условиях имеет больше шансов победить умный, храбрый победит труса, ловкий неуклюжего и т. д. Но отсюда конечно вовсе не следует, что каждый убийца будет непременно стоять в умственном отношении выше убитого. Преимущества организации можно учесть, только сравнивая потери крупных народных групп. Процент погибших в борьбе за существование будет в таком случае больше в той группе, в которой было менее умных, сильных физически, ловких, храбрых и дружных между собою личностей.

Самая правильность в ходе исторических событий, ее под-

чинение законам природы говорить за то, что человечеством, создающим историю, руководит не свободный разум и свободная воля, как мы думали до сих пор, а прирожденные страсти, имеющие одинаковую природу с животными инстинктами. Они наследуются нами от предков и властно господствуют над нашей волей. Что касается свободного разума, то решения его у разных людей при разных условиях времени и месте слишком разнообразны, чтобы могли давать какую-нибудь правильность в истории. В жизни нашей разум играет только второстепенную, служебную роль. Он вместе с органами чувств освещает путь для страстей во внешнем мире и примиряет их с логикой действительной жизни. Но несомненно, что, чем выше человек поднимается по ступеням прогонизма, тем разум начинает играть в его жизни все более и более существенную роль.

Так как подбор был бы несовершенен, если бы кто-нибудь из людей мог от него уклониться, то сильный упадок уничтожает все лазейки, в которых можно спрятаться. Такие лазейки дают в изобилии большие, сильные и хорошо организованные общества. Здесь останавливаются такие искусственные условия, при которых оберегается жизнь существ, совершенно негодных и ненужных для общественной жизни.

Сюда относятся всякого рода вырожденки умственные, нравственные и физические, которые благоденствуют благодаря своему высокому положению в обществе, родству с людьми сильными, богатству, унаследованному от здоровых пред-

ков, или просто благодаря гуманным законам и учреждениям, существующим в благоустроенном государстве. Во время хорошего упадка все эти искусственные условия теряют свою силу. Высокое положение в обществе уже не спасает человека, потому что в разгар упадка нет такого сильного и высокого положения в государстве, которое бы не пошатнулось. Богатство, не охраняемое властью, также теряет свою силу, потому что легко может быть отнято от человека всевозможными средствами. Законы в выродившейся стране хотя и продолжают существовать, но их никто знать не хочет и нет никакой власти в государстве, которая в состоянии была бы наблюдать за их исполнением, а потому человек лишается всякой поддержки со стороны общества и принужден собственными силами, как может, отстаивать свое существование.

Понятно, что уцелеть в суровой борьбе за существование, предоставленный своим собственным силам, может только человек, обладающий какими-нибудь талантами, достоинствами или полезными общественными инстинктами. Люди, не обладающие всем этим, во время анархии погибают первыми, так как они остаются совершенно одинокими. Единственное спасение для человека в это время – примкнуть к какому-нибудь кружку, партии или обществу, а для этого нужно обладать хоть какими-нибудь достоинствами, без которых человек становится обузой и излишним балластом. Его не станут терпеть ни минуты там, где стоит вопрос о

спасении собственной шкуры. Тот кружок, который пренебрег бы этим правилом и стал бы защищать людей ни на что негодных во имя милосердия, сам погиб бы в суровой борьбе с другими кружками. Как мы видим из примера средневековой истории, кружки для взаимной защиты образовывались обыкновенно вокруг людей богатых. Эти последние за деньги могли сформировать вокруг себя отряд из голодных людей, ничего не имеющих кроме физической силы. Но такие богачи не могут быть идиотами или слабоумными. Кроме богатства они должны обладать или умом, или силой характера, а иначе нет возможности собрать отряд вполне надежных людей в такое время, когда хорошие, честные люди представляют большую редкость, а общество кишмя кишит умственными и нравственными больными всякого рода, которых очень трудно отличить от людей здоровых. Если же набрать в отряд кого попало, то можно погибнуть от руки своих же наемников или быть ими выданным своим врагам.

Последние годы упадка, особенно в Железном веке, бывают самыми тяжкими. В это время народ, лишенный патриотизма и утомленный вечной опасностью, грозящей со всех сторон, уже не думает о своей политической самостоятельности и потому не только не противится чужеземному владычеству, но жаждет его и встречает завоевание своей страны с искренней радостью.

XI. В чем состоит подъем

Когда упадок достигает своего максимума и подходит срок его окончания, появляются первые признаки подъема. Как из земли вырастают отдельные личности, резко отличающиеся от остальной толпы своим стремлением к правде, справедливости и порядку, но настоящий подъем может наступить только тогда, когда таких представителей нового лучшего поколения наберется достаточно много, чтобы они могли выступить в обществе в качестве господствующей партии. Само собой разумеется, что стремление к новой жизни является результатом их природного склада, а не вследствие развития и созревания в обществе новых идей, как это принято у нас думать.

Первой заботой поднимающегося народа является формирование нового правительства, если старое исчезло в конце упадка. Форма правления обыкновенно остается та же самая, какую застало начало подъема. Во-первых, люди подъема всегда питают глубокое уважение к своим ближайшим предкам независимо от их нравственной и умственной высоты и потому всякое завещанное ими учреждение оберегается как святыня. А во-вторых, для хороших людей всякая форма правления хороша. Но если в стране существует монархия, то она всегда во время подъема стремится к абсолютизму и все ограничения власти постепенно уничтожаются.

Умственные способности народа и склонность его к умственным занятиям быстро повышаются. В то же время во всех отраслях деятельности появляются талантливые и гениальные люди, которыми всегда изобилует время подъема. Развиваются литература и искусства. В науке народ спешит догнать своих цивилизованных соседей, от которых сильно отстает во время упадка. Делаются открытия и изобретения. Появляется охота к чтению и спрос на литературу. Вместе с тем улучшаются все стороны жизни. Начинает процветать земледелие, скотоводство, промышленность и торговля. Благополучие страны быстро возрастает, так как при трудолюбии, умственных способностях и собственной инициативе люди подъема легко находят новые источники существования. Труд перестает быть тягостным благодаря способности к увлечению, которая скрашивает его и превращает в приятное удовольствие. А так как при этом и потребности человека уменьшаются, то в руках его скопляются достаток и богатство. Состояние финансов улучшается, являются свободные капиталы и начинается общественное строительство. Проводятся дороги, роются каналы, сооружаются порты, осушаются болота, воздвигаются храмы и полезные общественные здания, открываются библиотеки и музеи, ученые и учебные заведения.

Люди подъема вежливы в обращении, деликатны, любезны, доброжелательны и сострадательны. Драк и ссор между ними не бывает, даже бранные слова выходят из употребле-

ния и забываются. Проявляются сильные альтруистические чувства, водворяется честность, верность данному слову и справедливость. Чужое имущество начинает пользоваться таким же уважением, как и его хозяин. В это время можно уничтожить все замки, не опасаясь воровства.

Вражда между людьми исчезает и заменяется согласием, любовью, дружбой и уважением. Партии уже не имеют никакого смысла и потому прекращают свое существование. Междоусобицы, бунты, восстания и революции отходят в область преданий, так как человек подъема миролюбив и не стремится к власти, а напротив умеет подчиняться правительству и всем жертвует в пользу отечества, не исключая и собственной жизни. Государство становится крепким и сильным. Злоупотребления власти прекращаются не вследствие постороннего внушения или строгого контроля, а просто потому, что для ее представителей общественные дела дороже своих собственных. Чиновников делает честными не страх наказания, а их собственная совесть. Если изредка и случаются злоупотребления, то пострадавшие сносят их терпеливо и прощают из любви к миру и спокойствию.

Энергия и сила воли у поднимающегося народа увеличивается и он бывает способен на подвиги и трудные предприятия. Для него, как говорится, препятствий не существует.

Очень естественно, что у такого народа, в высшей степени постоянного, сдержанного и трезвого, разврат исчезает и устанавливаются сами собой очень крепкие семейные узы.

Детей своих человек подъема страстно любит и никогда не тяготится их числом. Потерявши ребенка, он не может утешиться, как бы много детей у него ни было. Отец пользуется в семействе большим авторитетом и неограниченной властью, но такая власть никому не вредит, так как любовь родителей к детям безгранична, и всякое злоупотребление родительской властью становится немыслимо. Дети в это время также любят и высоко ценят своих родителей и смотрят на каждое их слово, как на закон.

В отношении религии поднимающийся человек постоянен и твердо держится веры своих отцов, видя в ней знамя своей национальности. Он никогда не изменит ей и на веротступничество смотрит как на один из видов измены. Даже и в том случае он остается верен своей религии, если в ней, как в произведении времен упадка, есть обряды, противоречащее его нравственному чувству и самой жизни. Всякий несоответствующий его натуре или вредный обряд он изменяет в самый безвредный. Например, обрядовое людоедство обращается в поедание человеческих фигур из хлеба, человеческие жертвы – в сожжение бумажных человеческих фигурок, обрядовая проституция обращается для женщины в известных обрядах в обязательство протанцевать с теми мужчинами, с которыми она должна проституировать, и т. и. Такими смягченными формами обрядов переполнена этнографическая литература.

Так как нравственность сильно улучшается в народе во

времена подъема, то уменьшается всякого рода преступность, а потому заботы правительства о поднятии и поддержании народной нравственности становятся излишними. Правительству ничего более не остается, как направить свою деятельность на дела внешние. Монарх в это время – только вождь своего народа. Армия реформируется и приобретает неопределимые качества, потому что изменяется ее личный состав. Без всяких строгостей устанавливается сама собой строгая естественная дисциплина, основанная не на страхе наказания, а на инстинктивном, бессознательном благоговении солдат перед государственными интересами и перед начальствующими лицами, как существами высшими. Несправедливости со стороны начальства становятся редкими и переносятся безропотно. Солдаты в те времена храбры, мужественны, разумны, находчивы, а в то же время кротки и выносливы. Они беспрекословно исполняют малейшие приказания начальства. Армия действует как один человек, поражений не несет и, как говорится, «творит чудеса». Народы, с которыми ее сталкивает судьба, после первой же стычки проникаются к ней страхом и уважением. Пользуясь такой армией, государство прежде всего очищает страну от многочисленных разбойничьих шайк, хозяйничавших в ней во время упадка. Затем, если государство во время упадка раздробилось, присоединяются отпавшие части, что достигается сравнительно легко, так как поднимающийся народ сам стремится к соединению со своими соплеменниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.